ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

москва 5 июля 1931 г. № 36 (135)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	СССР	ВНЕ СССР
На 6 м.	1 р. 75 к.	— 90 ц.
На 3 м.	- р. 90 к.	— 45 ц.

за развертывание творческого соревнования!

Сегодня состоится заседание расширенного бюро правления РАПП, посвященное вопросу о дальнейшем развертывании творческого соревнования.

6 творческих групп РАПП («Напостовская смена», группа т. Панферова, обе «Кузницы», ленинградские группы «Напостовский призыв» и «Закал») сделают на этом заседании доклады о своих творческих установках, о том, как эти установки претворяются группами в жизнь.

Доклады творческих группировок, являющиеся выражением того поворота лицом к творческим вопросам, который решительно начат и осуществляется РАПП, отчетливо подчеркивают ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ САМОЙ РАПП.

Выросшая из одного из течений пролетарской литературы, РАПП сейчас — уже не группа, не кружок, не течение, а ведущая организация пролетарской литературы, отвечающая за всю пролетарскую литературу, проводящая партийную линию на литературном фронте.

В этих изменившихся условиях указания партии О МАКСИМАЛЬНОМ РАЗВЕРТЫВАНИИ ТВОРЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ В РАПП приобретают особое значение.

Творческое соревнование, всемерное развитие и рост новых и новых творческих группировок в РАПП отнюдь, конечно, не означает что у РАПП нет ОБЩЕЙ творческой платформы. Нет, такая платформа ЕСТЬ. И ее не может не быть, ибо именно в боях в частности за нее выросло, закалилось и окрепло пролетарское литературное движение.

Некоторые (литфронтовец Рожков, например) представляют себе дело так, что литературно-политическая линия сама по себе, а творческая линия — сама по себе. Ставить вопрос так — значит быть механистом чистейшей воды, ибо оторвать литературно - политическую платформу РАПП от ее творческой платформы невозможно. Они представляют из себя единство, между ними нет и не может быть разрыва (хотя столь же механистическим было бы их грубое отождествление). БОРЬБА ЗА БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО БОЛЬШЕВИЗМА — это и творческий и литературно-политический лозунг РАПП. Борьба с бесклассовым об'ективизмом, с перевальским гуманизмом и «искренностью», с пефовской «литературой факта», со штампом, схемой и лакировкой действительности — это общие ТВОРЧЕСКИЕ лозунги, которые являлись и являются оружием РАПП в ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКОЙ борьбе с воронщиной, перевальцами, лефовцами, формалистами, «Литфронтом» в проводимой РАПП борьбе за гегемонию пролетарской литературы.

Творческое соревнование в РАПП — это соревнование на основе общей литературно-политической и творческой платформы РАПП. Творческое соревнование в РАПП, размежевание отдельных творческих групп в РАПП — не есть самоцель, а есть путь к ОБОГАЩЕНИЮ ОБЩЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ, к общему обогащению опыта пролетарского литературного движения, по применению метода диалектического материализма в литературе. Творческие группы в РАПП—это НЕ ВРАЖДЕБНЫЕ ДРУГ ДРУГУ ОРГАНИЗАЦИИ, а борющиеся за общее дело части единого движения, дифференцировавшиеся по группам ДЛЯ УДОБСТВА этой борьбы, для лучшего овладения отдельными участками фронта. Тот, кто полагает, что рост творческих групп ослабляет РАПП, как единую, монолитную организацию, ничего не понимает в задачах литературного дня. Наоборот, развитие творческого соревнования и рост творческих группировок являются как раз выражением возросшего ЕДИНСТВА И КОНСОЛИДАЦИИ пролетарских литературных сил. Так и только так стоит вопрос.

Но, однако, было бы неправильно полагать, что у творческих групп РАПП нет никаких опасностей. Здесь мы также не можем отделять творческих вопросов от литературно-политических. Эти опасности могут прыться в противопоставлении себя всему движению, в выходе за рамки ОБЩЕЙ платформы, в перерастании тех или иных отрицательных тенденций, в той или иной группе в установки, противопоставленные установкам ДВИЖЕНИЯ В ЦЕЛОМ. Об этих опасностях должна помнить каждая творческая группировка РАПП. Об этих опасностях должно постоянно помнить руководство РАПП (роль которого неизмеримо усложняется), которое должно руководить творческим соревнованием, борясь с нездоровыми тенденциями, борясь с попытками канонизации отдельными группами или писателями своих творческих установок, и в то же время не ставя себя в положение группы, создавая вокруг творческого соревнования атмосферу товарищеского отношения, чуткости и внимательности, максимальной терпимости к различным творческим высказываниям и исканиям НА ОСНОВЕ ОБЩЕЙ ПЛАТФОРМЫ.

Вынесение всей творческой дискуссии в РАПП в ШИРОКУЮ ПРОЛЕТАРСКУЮ АУДИТОРИЮ, постоянное активное участие в творческом соревновании РАБОЧИХ-УДАРНИКОВ, — таково еще одно из необходимейших условий дальнейшего развертывания творческого соревнования в РАПП, ведущего к новым победам пролетарской литературы.

ПОЗОР американскому фашизму! против казни, готовящейся в Скоттборо

На 10 июля назначена казнь девяти юношей-негров. По приговору буржуазно-фашистско-американского суда 10 июля в Скоттборо они будут посажены на электрический стул. За что? За то, что они перестали быть рабами. За то, что они выдвинули лозунг интернациональной солидарности рабочего класса.

Готовится чудовищное злодеяние, повторяющее преступление, совершенное над товарищами Сакко и Ванцетти.

Мы, писатели, работники искусства страны, строющей социализм и выкорчевывающей корни капиталистической эксплоатации, присоединяем свой голос протеста и возмущения к воззванию комитета содействия МОПР СССР о проведении кампании протеста против готовящейся казни.

Позор американскому фашизму!
Позор буржуазно-фашистскому строю!
Выше знамена МОПР!

Американские революционные писатели и деятели искусства! Разоблачите замысел преступников американского фашизма и их клеветнические измышления! Сделайте все для того, чтобы жизнь наших товарищей была сохранена!

Л. Авербах, Н. Агаджанова-Шутко, С. Амаглобели, А. Анощенко, П. Арский, Н. Асеев, А. Афиногенов, Э. Багрицкий, Д. Бассалыго, Ив. Батрак, В. Бахметьев, А. Безыменский, А. Богданов, К. Большаков, С. Буданцев, Г. Вечера, А. Вигалок, С. Виткин, Вс. Вишневский, Б. Галин, М. Гельфанд, В. Герасимова, А. Гидаш, Ф. Гладков, Э. Гребнер, А. Грин, А. Грудская, Б. Губер, Л. Дегтярев, С. Динамов, Е. Добин, А. Дорогойченко, И. Евдокимов, Д. Егорушкин, В. Ермилов, А. Жаров, Ю. Желябужский, И. Жига, А. Завалишин, М. Зайка, П. Замойский, Н. Замошкин, Н. Зарудин, Н. Зархи, К. Зелинский, Вс. Иванов, Б. Иллеш, В. Ильенков, Я. Ильин, В. Инбер, А. Иббах, А. Караваева, М. Карпов, Ив. Катаев, С. Кирсанов, В. Кирпотин, Г. Киш, В. Клягин, Г. Козинцев, М. Колосов, Г. Корабельников, Л. Кулешов, О. Леонидов, Л. Леонов, Н. Лернер, Ю. Либединский, В. Лидин, В. Луговской, М. Лузгин, А. Луначарский, Е. Любимов-Ланский, Н. Ляшко, И. Макарьев, А. Малышкин, С. Марков, Вс. Мейерхольд, А. Мильхин, А. Митрофанов, С. Мстиславский, Г. Никифоров, Л. Никулин, А. Новиков-Прибой, И. Нович, А. Незогрудский, Н. Огнев, Ю. Олеша, К. Островер, Н. Островский, П. Павленко, Ф. Панферов, К. Парамонов, М. Пластошкин, Н. Погодин, А. Д. Попов, Я. Протазанов, В. Пудовкин, Н. Разич, А. Разумный, В. Рожашов, А. Роом, М. Рославский, В. Саянов, Д. Сверчков, А. Селивановский, И. Сельвинский, А. Серафимович, М. Серебрянский, Ю. Слезкин, Н. Слепнев, П. Слетов, В. Ставский, А. Субботин, А. Сурков, А. Тиров, Г. Тарпан, Л. Трауберг, В. Турин, И. Уксусов, А. Успенский, И. Уткин, А. Фадеев, А. Файко, Л. Циновский, Е. Черненко, Д. Чижевский, М. Чумандрин, В. Шкловский, Н. Шкляр, И. Шувалов, И. Шушканов, Н. Экк, Ф. Эрмлер, С. Хабибуфа, А. Эфрос, К. Юков, А. Яковлев, Р. Янушкевич, Бр. Ясенский.

МОНОЛОГ*

В этом зале
Я —
самый черный из всех.
С детства меня
чернокожей свиньей называли.
За цвет моей кожи
Меня поднимали на-смех,
Держали в цепях,
Пытали и линчевали.
Я —
представитель истерзанной черной расы.
Нас с детства природа
В естественный траур одела.
Я видел, как плакали
Черные братья мои,
Как Джим горевал
У постели изнученной Эллы,
Мой бедный товарищ.
Я всюду следил за тобой —
Ты в Европу бежал,
Скрываясь от Нового Света.
Ничто не поможет.
Ты снова вернешься домой.
Никуда вам не скрыться
С этой закрепощенной планеты.
Нам закон повелел:
Будьте к страданьям готовы.
Ни один чернокожий
от белых
не защищен.
Восьмым негритянским парням
уже приготовил
восемь висельниц новых
Американский закон.
Я кричу вам —
единственный негр среди вас —
Вам —
от первых рядов
до последнего места:
— Приближается казнь.
Приближается страшный час.
Вместе с нами,
товарищи,
поднимите свой голос протеста!
Переполнена чаша.
Решительный час наступил.
Мы под разною кожей
Несем одинаковый пыл,
Одинаковый пульс,
Одинаковые сердца,
Одинаковую решимость
Тяжелой борьбы
До конца.
Есть белый цвет,
Есть черный цвет,
Но лучше красного нет,
«Уже приближается страшный срок,
Решительный
Близок
Час.
Есть много путей,
Есть много дорог,
Но выход — один у нас:
Ничего не жалеть,
Никому не прощать,
Под красное знамя встать!

М. СВЕТЛОВ

*) Интермедия-монолог введена в спектакль Камерного театра «Негр».

производственная конференция ГИХЛ

Заканчиваем нашими трехдневная производственная конференция ГИХЛ имела целью подытожить достижения, недостатки и задачи в работе издательства и наметить план его дальнейшей работы.

Первый день конференции был занят докладом А. Митрофанова об итогах пленумов ВОАПП и МАПП. Доклад вызвал внимание участников конференции на вопросах призыва ударников в литературу, преодоления больной систематизации работы ГИХЛ, воздействия на нее с ВЦСПО и РАПП, борьбы и замалчиванием и с барским пренебрежением к литературной продукции пролетариев.

На вечернем заседании конференции с большим докладом о хозяйственном положении и переходе ГИХЛ на хозрасчет выступил т. Шендерович.

Подчеркнув улучшение финансового положения издательства за последние три месяца, но считая все же общее состояние издательства не вполне удовлетворительным, докладчик отметил тяжелые условия работы ГИХЛ, усугубляемые недостатком бумаги. Систематическое урезывание бумажных норм, продолжающееся до сегодняшнего дня, ставит перед издательством угрозу уменьшения выпуска продукции в два раза по сравнению с последним полугодием.

В связи с переходом ГИХЛ на хозрасчет т. Шендерович подчеркивает необходимость коренной перестройки работы ГИХЛ, издательский аппарат которого должен представлять собой посредническая контора, готовящий из полуфабриката (авторская рукопись) готовую продукцию (книга, выпущенная из типографии). Заключенные между отдельными предприятиями договора должны систематизировать четкую работу всего аппарата издательства, начиная с редактора и кончая корректором.

Конференция закончилась докладом председателя месткома т. Виноградова об ударничестве и соревновании между отделами ГИХЛ и о работе профсоюзных бригад. Тов. Виноградов констатировал недостаточно удовлетворительное состояние профработы в ГИХЛ.

По всем докладам конференцией вынесены резолюции, намечающие конкретные мероприятия по перестройке отдельных звеньев и развертывания всей работы издательства художественной литературы.

Е. П.

литературное сегодня

* ВОАПП и редакция «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» командируют в рабочих строительства 5 интернациональных писательских бригад в Сибирь, Криворожье, (Донбасс), Краснодарский (Харьков), Белоруссию и Среднюю Азию. В районы выедут 25 пролетарских писателей в Белоруссию, Узбекию (ВУСПП, «Молодая гвардия»), Закавказье, Украину, Среднюю Азию. Первая писательская бригада в составе тт. Барин (Армения), Юдельсон (секция БелАПП), Гурвич (армянская секция АзАПП), Зарский (БелАПП) и Ибрагимов выезжают на-днях в районы строительства.

* Для посещения работы в лагерях Московского военного округа секретариат Мосгиза направил 12 писателей.

* Правление ОГИЗ организует музей книги. Специальной комиссии в составе тт. Попова, Никорикова и Херсонской поручено разработать проект нового музея.

* Для укрепления руководства работой кинесекции ЛОКАФ секретариатом ЛОКАФ выделены для работы в секции тт. А. Фадеев, М. Король (военсектор Совкино), А. Бобунов и А. Соколов.

* Сегодня в Москву приезжает группа работников революционных издательств Германии: «Нейер Дейче Берлин» («Новое германское издательство») и «Ундзерем Бюхерайх» (Универсальная библиотека). Эти издательства печатают, главным образом, произведения иностранных революционных писателей, среди которых большое место занимают писатели СССР. Сектор литературы и искусства Дома печати организует 7 июля, и 7 мая, вечера встречу работников немецких революционных издательств с писателями и журналистами Москвы. Вечер будет посвящен вопросам изд-ния, продвижения и читаемости произведений советских писателей в Германии.

* Институт ЛИЯ Комакадемии посылает своих аспирантов для практической производственной работы в литературные и редакционные журналы. Аспиранты будут работать в центральных и областных литорганизациях и редакциях журналов РАПП и ГОПКП.

мобилизуем бумажные рессурсы для издания нужной художественной литературы

11 июля на исполбюро ФОСП стоит вопрос о снабжении бумагой издательств художественной литературы

мы печатаем сегодня материалы, характеризующие неблагополучие в этой области

писатель на борьбу за бумагу

В передовой прошлого номера газеты мы писали, что издательства, вместо энергичной борьбы за бумагу, прикрывают перед лицом трудностей ведомственно-бюрократическое отношение, не мобилизуют пролетарскую и писательскую общественность на эту борьбу. Такое недопустимое положение продолжает иметь место — достаточно указать на тот факт, что, несмотря на неоднократные наши предложения, издательские работники языка не используют для постановки всей суммы вопросов, связанных с бумажной проблемой,—«Литературную газету» — орган Федерации писателей.

Естественно, что писательская общественность не может и дальше находиться в абсолютном неведении относительно бумажных дел. Мы должны своим активным вмешательством преодолеть безответственность издательского аппарата и поставить вопрос о бумаге во всей его остроте, возможно более массово и общественно. Именно этими соображениями и продиктовано решение секретариата ФОСП—созвать на 11 июля исполбюро Федерации с активом, организовать такое массовое собрание, на котором писательская общественность должна сказать свое слово по вопросу о бумаге.

Самый факт этого собрания означает что советские писатели инициативно включаются в борьбу за бумагу.

Мы берем на себя этим большую ответственность. Писатели должны сыграть роль буксира для издательств—во-первых, они должны суметь максимально заострить вопросы бумаги перед широкой общественностью, во-вторых,—до сих пор в печати по бумажным делам выступают лишь единичные писатели, а должны выступать вся писательская общественность, десятки отдельных писателей и бригад. Наконец, включиться в борьбу за бумагу значит по-настоящему изучить бумажную промышленность, по-настоящему обязаться с рабочими-бумажниками, по-настоящему войти во всю работу издательств, включая и хозяйственную.

И нужно прямо сказать, что все, что должно было быть сделано уже давно, что отсутствие таких связей, такого поворота — важнейший пробел в литературной общественности. В самом деле, разве можно считать нормальным, что писатель не знаком с материальной базой своей работы, сторонне наблюдает создание этой базы?

Писатель—органическая часть ГИХЛ, основная фигура «Федерации», он—производитель художественной книги, а между тем в обоих издательствах он больше клиент, чем активный работник. Если можно спорить против проектов перевода писателей на жалованье, то необходимость для писателей быть фактическим членом издательского коллектива является бесспорной.

Собрание 11 июля должно послужить толчком к перелому по всем этим направлениям.

Каждый писатель на это собрание обязан притти подготовленным, продумав положение на фронте бумаги и сделав на него все необходимые выводы. Должна быть развернута впечатляющая критика работы всех организаций, планирующих, производящих, распределяющих и расходующих бумагу, но такая критика, из которой сразу можно сделать практические выводы, нажечь реальную пользу.

Мы мыслим себе результаты собрания 11 июля в создании писательских бригад и привлечении отдельных писателей к издательствам, Союзбумаге, Комитету по делам печати, бумажным фабрикам. Задачей их (бригад и писателей) должно быть: выяснение всех обстоятельств положения с бумагой, действенная борьба со всеми трудностями и их конкретными виновниками, массовая работа и налаживание крепких связей писателей с рабочими-бумажниками и т. д.

Мы мыслим себе результаты фосповского собрания в виде серьезного, четкого анализа положения на бумажном фронте и выявления определенного писательского отношения к делу (положению).

Мы мыслим себе результаты собрания 11 июля как решительный толчок к общественной замене борьбы за бумагу, к повороту и издательств, и писателей по-настоящему лицом к бумаге.

издательства без бумаги

Чрезвычайно напряженное положение издательств, вызванное неоднократным урезыванием бумажных норм, усугубляется организациями, непосредственно связанными договорами с издательствами по линии снабжения их бумагой. В связи с переходом на хозрасчет вопрос своевременной доставки бумаги издательствам стоит особенно остро, угрожая им большими неустойками. Мосснабсбыт и Огиз, очевидно, не учитывают этого, ибо систематическая недогрузка бумаги фабриками имеет место во всех издательствах. Допустимо ли, чтоб учреждения, затрачивая большие деньги на командировки и отрывая своих сотрудников от непосредственных обязанностей, посылали их на бумажные фабрики для участия в отгрузке бумаги, причитающейся им по нормам, утвержденным Комитетом по делам печати?

Нижеследующая сводка достаточно убедительно подтверждает недопустимое отношение ряда организаций к делу снабжения издательств бумагой.

* * *

По нормам, утвержденным Комитетом по делам печати, издательству «Федерация», согласно договору с Мосснабсбытом, полагается получить с разных фабрик за полугодие с 1 января по 1 июля 240 тонн бумаги из расчета по 120 тонн из квартал. По 1 июля получено всего 200,6 тонны. Недогружено 15 процентов причитающейся бумаги, что составляет 7 миллионов листов-оттисков.

* * *

Издательство «Академия», согласно разверстки Комитета по делам печати, должно было получить в Мосснабсбыте 90 тонн бумаги на первый квартал. Получено 67 тонн до 1 марта и в последних числах июня отгружено еще 6 тонн за весь второй квартал.

Московское товарищество писателей вместо причитающихся 30 тонн, за полугодие получило 22 тонны. Недогружено фабриками Мосснабсбыта 27 процентов нормы, что задерживает выпуск 400 тысяч листов-оттисков.

* * *

Издательство ГИХЛ в первом квартале получило полную норму. Но начиная со второго квартала ГИХЛ систематически недополучает бумагу: за апрель вместо причитающихся 217 тонн получено 169; за май вместо 223 тонн получено 144; за июнь вместо 219 тонн получено 128 тонн. Нормы второго квартала оказались недодаными на 44 процента, что составляет 14 миллионов листов-оттисков. Таким образом план ГИХЛ по вине ОГИЗ и бумажных фабрик Союзбумаги остался невыполненным на 56 процентов.

* * *

За первый квартал этого полугодия издательство ВЦСПС получило полностью из Мосснабсбыта причитающуюся ему 285 тонн бумаги. Во втором квартале вместо предусмотренных договором 317 тонн издательство получило 192 тонны, что составляет 39 процентов. Обложечной бумаги недоотгружено фабриками 77 процентов нормы, между сего плотные сорта бумаги, годные для оттисков, приходится расходовать на обложки, что в свою очередь уменьшает наличие печатной бумаги в отражается на количестве издательской продукции.

* * *

Кроме того, по всем издательствам, согласно специальной директивы, апрельская норма считается аннулированной и отгруженная в счет этой нормы бумага перечисляется на июль и август. Издательства заявили свой протест Комитету по делам печати.

11 июля исполбюро фосп

Секретариат ФОСП приступил к широкому обсуждению вопросов издания художественной литературы в связи с бумажным кризисом и недополучением бумаги издательствами. В обсуждении примут участие все литорганизации.

ФОСП создана специальная комиссия по проработке вопроса о положении с изданием художественной литературы. В комиссию вошли: Г. Шульц, А. Митрофанов, Н. Гильярди, Н. Огнев, А. Субботин, А. Эфрос и А. Виноградов. Комиссии поручено представить свои выводы и предложения к предстоящему 11 июля заседанию исполбюро ФОСП, на котором будут также заслушаны сообщения Союзбумаги, ГИХЛ и издательства «Федерация».

за авторскую дисциплину

Ленинград, 1. (Наш корр.). Обострение бумажного кризиса, переход ГИХЛ на хозрасчет, — все это заставляет требовать от писателей неуклонного соблюдения «авторской дисциплины». Однако, как выяснилось из доклада Леф-ГИХЛ на секретариате ЛАПП, писатели продолжают срывать производственные планы издательств. По серии пролетарской литературы в ЛенГИХЛ поступило всего 18 процентов рукописей, которые по плану должны были быть представлены до 1 июля.

Некоторые писатели, получив по договору большую часть гонорара, до сих пор не начали работать над «задуманным произведением», несмотря на то, что сроки сдачи рукописи давно прошли. ЛАПП должен принять решительные меры в отношении товарищей, срывающих производственные планы фабрик книги.

нужно разобраться по существу

ГИХЛ является основным издательством художественной литературы. ГИХЛ находился до сих пор в обстановке повсюдных трудностей, среди них главная — резкий недостаток (после многочисленных урезок) бумаги.

Десятки решений приняты по поводу «бумажных» неурядиц во время «прорыва», не мало авторитетных слов и заверений было сказано насчет предстоящего улучшения, но одна страница «Литературной газеты» была усеяна зарнами «благородного негодования», и вот в итоге — «урожай»: на третий квартал ОГИЗ вновь снизил норму отпуска бумаги на художественную литературу с 650 тонн до 620.

Что это: невнимание к голосу писательской общественности, или канцелярская «описка»?

30 тонн как будто не такое уж страшное снижение, если бы:

1. не было вообще тяжелым положение с бумагой на художественную литературу; и если бы —

2. по абсолютному большинству других издательств, издающих другие виды литературы, не было увеличения бумажных норм на тот же 3-й квартал по сравнению с тем же 2-м кварталом.

В самом деле:

кроме таких издательств, как Мосиартгиз (+ 58 проц.) и ГИТИ (+ 107 проц.), для которых увеличение бумаги является совершенно естественным и понятным (даже в том случае если бы всем другим норма была снижена), отпуск бумаги увеличен и по другим разделам, а именно (проценты взяты округленно):

УЧГИЗ	62 %
ДЕТГИЗ	60 „
ВОЕНГИЗ	52 „
ТРАНСГИЗ	34 „
ФИЗТУРИЗМ	53 „
ИЗОГИЗ	200 „
МУЗГИЗ	200 „

Нам кажется странным, почему в ряду перечисленных издательств ГИХЛ оказался таким издательством, в отношении которого можно допустить иное отношение, чем ко всем другим; нам кажется странным, почему в ОГИЗ художественная литература оказалась в положении—«накладного расхода», который в первую очередь следует сокращать.

Мы считаем необходимым разобраться по существу. Нам не хочется верить, что ОГИЗ теперь оказался в ряду представителей, недооценивающих художественную литературу (а ведь цифры упрямо подсказывают эту мысль); нам не хотелось бы думать, что в борьбе за интересы художественной литературы писательской общественности придется выступать против ОГИЗ (а ведь из цифр объективно вытекает такая необходимость). Мы привыкли к обратному: к чуткому к большевистскому отношению ОГИЗ к интересам художественной литературы.

Тем более странны цифры бумажных норм, установленных ОГИЗ на третий квартал.

Тем более мы вправе рассчитывать на пересмотр этих норм.

Н. ОСТРОГОРСКИЙ

увеличить бумажную норму ГИХЛ

1. Обратить внимание правления ОГИЗ на совершенно ненормальное соотношение между художественной и другими видами литературы в плане распределения бумаги на 3-й квартал по ОГИЗ.

Произведенное снижение бумажных норм ГИХЛ в то время, когда по остальным (в том числе и не основным) издательствам произведено значительное увеличение отпуска бумаги, — секретариат ЦС расценивает как об'ективное выражение недооценки художественной литературы.

2. Секретариат ЦС РОПКП особо подчеркивает тот факт, что данное снижение произведено непосредственно за кварталом, в котором только начата ликвидация прорыва в ГИХЛ и поэтому оно — это снижение — не только не способствует, а, наоборот, значительно затруднит борьбу за окончательную ликвидацию прорыва.

3. Просить правление ОГИЗ пересмотреть план распределения бумаги в 3-м квартале в сторону повышения в нем удельного веса художественной литературы.

СЕКРЕТАРИАТ ЦС РОПКП

страна должна знать своих героев

сводка

МАПП

Привлеченные МАПП к работе по показу героев пятилетки пролетписатели и ударники уже выполнили первые задания.

Ф. Панферов, А. Иббах, В. Ильенков, И. Платошкин написали очерки о героях социалистической стройки. Ноты-ударники—тт. Резчиков, Зарубин, Сидоров и Васильев написали ряд стихов.

Кроме того написаны очерки пролетписателями: Я. Шведовым о краснознаменце завода «Серп и молот» (тов. Благинове), Н. Ляшко, Князьминским (о лучших ударниках Орехово-Зуевского химзавода), Томашевской (об ударниках Сазеловской ж. д.), членами секции МАПП тт. Годинером и Персовым, Дубинцером (Тульская АПП — очерк об ударнике-мастере Тульской ж. д.), Я. Фридманом, Грином (об ударниках ж.-д. мастерских им. «1905 года»), Карасевым (об ударниках завода «Динамо») и др.

Полученные МАПП очерки о героях печатаются в журналах: «Рост», «Октябрь», «Молодая гвардия», в газетах: «Правда», «Известия», «Рабочая Москва», «Ударник литературы» (орган МАПП) и др.

5 июля МАПП заключает договор с издательством «Федерация» на первые два сборника очерков и стихов, написанных пролетписателями и ударниками о героях. Материал к сборникам будет сдан МАПП в начале августа.

Пролетарский и Фрунзенский районные бюро МАПП подготовляют аналогичные сборники. Кроме того, сборники о героях пятилетки подготовляет ассоциация пролетписателей Тулы, Подольска, Рязани и др. Все эти сборники будут изданы в специальной серии МАПП.

Для проверки выполнения обращения секретариата РАПП, МАПП и райбюро выделяли ответственных товарищей, которые прикреплены к каждому району и помимо творческой консультации литкружкам оказывают помощь ударникам в написании очерков о героях.

МОСЛОКАФ

Для отображения в литературе героев ударников-красноармейцев, секретариат Мослокаф мобилизовал 35 писателей-локафовцев. Более половины их уже работает в красноармейских лагерях. Писатели привлекают красноармейцев-ударников и литкружки частей для составления автобиографий о лучших ударниках-красноармейцах.

К концу июля Мослокаф получит от писателей первые очерки и рассказы о героях Красной армии, которые будут помещены в «Литературной газете», журнале «Локаф», «Красной звезде» и других газетах и журналах. В издательстве «Молодая гвардия» Мослокаф выпустит специальную серию ЛОКАФ о героях красноармейцев-ударниках.

ВУСПП

ВУСПП и Всеукраинский совет профсоюзов выпускают из печати ряд книжек, посвященных показу героев социалистической стройки.

АПП ЦЧО

Рабочие-ударники завода ТВРЗ написали книгу очерков о соревновании, ударничестве и о героях своего завода. Книга сдана в изд-во «Коммуна» и будет выпущена из печати 15 июля.

Члены ассоциации пролетписателей ЦЧО к 5 июля закончат ряд очерков о героях заводов и фабрик области.

за пять дней творческий смотр марповских кружков

В кружках МАПП зачастую наблюдается неверное понимание задач творческого смотра. Нередко говорят:

— Мы провели...

— ??

— Заслушали доклад руковода о творчестве кружковцев, поговорили на эту тему...

План творческого смотра еще не доведен до предприятия. Райбюро МАПП не сумели до сих пор развернуть серьезную подготовительную работу, не возглавили смотр в своем районе.

Творческий смотр, проводимый МАПП, является органическим звеном работы с рабочими-ударниками, призванными в литературу. К нему должно быть привлечено внимание всей пролетарской общественности. Во время смотра необходимо подвести итоги прошлой творческой работе, сосредоточенной в основном на вопросах борьбы за промфинплан. Опыт литкружков в ударном квартале, разоблачение клеветы о принудительном труде, опыт бригад на транспорте, повседневная работа литкружка в многотиражке, насыщенная заводской, злободневной тематикой, работа по отображению героев пятилетки, — все это должно найти оценку в творческом смотре.

Каковы конкретные формы смотра?

Необходимо привлечь к смотру партийные и комсомольские ячейки, обеспечив с их стороны конкретное политическое руководство им.

В смотр нужно вовлечь: фабком, многотиражку, культсовет клуба, агитбригаду и библиотеку. Газета должна начать подготовку к смотру, печатать отзывы о литкружке под особой рубрикой «Литкружок на смотре».

Библиотека, совместно с литкружком, организует выставку, посвященную работе литкружка и пролетарской литературе. Руковод собирает и изучает творческий материал кружка (листовки, брошюры, рукописи и т. д.), привлекая к этому делу рабочих критиков из своего кружка. Отчетные доклады литкружка ставятся на партийных и комсомольских ячейках, на культсовете клуба.

Вся проделанная работа подытоживается общезаводским литературным вечером, на котором ставится доклад о творческом лице кружка, а кружковцы демонстрируют свое творчество. К участию в литературном вечере необходимо пригласить и агитбригаду. В итоге вечера рабочая общественность выносит оценку работы литкружка.

Организация творческого смотра именно в таких формах значительно увеличит авторитет литкружка на предприятии и прочно включит его в систему других культурно-массовых организаций, а это в свою очередь привлечет в кружок новые кадры рабочих-ударников.

Лучшие доклады о творческом лице кружков МАПП будут собраны и напечатаны. Будут изучатаны отдельными оборками и лучшие произведения кружковцев.

Этот материал послужит основой для дальнейшего развертывания дискуссии о творческом методе пролетарской литературы.

Творческий смотр органически увязывается и с известным постановлением Секретариата РАПП о показе героев пятилетки. В творчестве рабочих-ударников не важны схематизм, общность темы, отвлеченное воспевание ударного труда и пятилетки вообще. Лозунг показа лучших, конкретизируя творческие задачи пролетарского писателя, отводит писателя от общей темы и заставляет видеть пятилетку в тех живых, знакомых нам людях, которые изо-дня в день творят ее в социалистическом цехе.

Работа по организации и проведению творческого смотра требует мобилизации всех сил Ассоциации. Райбюро МАПП, на которые падает большая доля ответственности в проведении смотра, должны дисциплинировать. Расхлябанность и безответственность должны быть изгнаны из марповских рядов.

Марповская периодическая печать: «Октябрь», «Рост» и, главным образом, новая газета МАПП «Ударник литературы» должны повернуться лицом к смотру. «Ударник литературы» должен стать организационным и методическим центром смотра. Газета должна мобилизовать все марповские силы на его проведение.

Н. КЛЯЗМИНСКИЙ

Кто-же за это отвечает?

Мы слабо боремся с халтурой. Мы часто констатируем этот печальный факт, видим прекрасные вещи в рецензиях, а халтура преспокойно продолжает издаваться.

У нас нехватает бумаги. Издательства вопят об уреза́нии планов. И действительно, у нас часто задерживается из-за этого издание хороших книг. Но халтура и здесь как-то находит щели, бумажный кризис на нее не действует.

На одной из дискуссий в Комакадемии покойный т. Фриче говорил:

«Когда смотришь на современную литературу, невольно вспоминаешь слова старика Бебеля, сказанные им когда-то по адресу буржуазного литературного рынка, а именно, что четыре пятых всей той литературной продукции, которая имеется на буржуазном рынке, несомненно могла бы без всякого ущерба для цивилизации исчезнуть. Так велика масса поверхностных и даже вредных произведений. То же самое можно сказать и о нашей литературе».

Эти «четыре пятых» подрежему остаются «четырьмя пятыми». Пройдите по книжным магазинам, особенно в провинции. Вы не достанете «Разгрома», «Недели», «Комиссаров», «Цемента», «Железного потока», «Клима Самгина», не достанете даже с огнем классиков. Но вы увидите, что прилавки и полки все же забиты беллетристикой. Это — как раз те «четыре пятых», от отсутствия которых цивилизация на мало бы не пострадала.

На все эти грустные мысли наводит напечатанная в «Литературной газете» заметка, что издательством «Федерация» выпускается массовое издание романа В. Дюбина «Забурунный край».

Роман этот — халтурный, приспособленческий, искажающий и опошляющий нашу замечательную действительность, которую он пытается, якобы, «отображать». Никакими ни идейными, ни художественными достоинствами роман этот не блещет.

Такие «произведения», как «Забурунный край», нечего анализировать, о них не надо писать статей. Достаточно просто сказать, что это — халтура.

Но здесь мы имеем дело с несколько необычным явлением. Халтура эта готовится выйти в массовом издании, о халтуре этой есть ряд положительных отзывов в печати, халтура эта идет в разных обводах рядом с основными произведениями нашей пролетарско-колхозной литературы.

Это объясняет нас коротко рассказать читателю, почему «Забурунный край» халтура.

Роман Дюбина — о колхозе. Хорошая и актуальная тема. Но на протяжении 700 страниц вы так и остаетесь в неведении относительно того, что за колхоз Дюбин описывает? Артель это или коммуна? Какое направление хозяйства в этом колхозе? Кто в колхозе состоит? Как сложился колхоз?

Первая часть первого тома «Забурунного края» посвящена гражданской войне (кс, кстати, деление основных героев на белых и красных идет не по социальной линии, а больше по линии семейных неурядиц), во-второй же колхоз уже дан, он существует.

Автор называет свой колхоз артелью, но в этой «артели» обобществлены пчелы, жилище и т. д. Колхозники все сплошь почему-то называются «рабочими», кроме руководителей (которые не носят никого названия, видимо, потому, что они в действительности из всем руководят, роман ничего не делают, а занимаются, главным образом, разрешением своих любовных дел).

Дюбинский колхоз это — сплошь и сплошь издалека никогда не виденных колхозы художников.

Выгоды коллективного хозяйства Дюбин показывает довольно любопытно. Эти выгоды состоят в том, что колхоз продает яблоки из старого атаманского сада (который он не сажал) и мелет окружающему населению муку на мельнице, переданной ему старой мельницы (которой он не строил).

Недавно вышедший второй том «Бомбы» охватывает уже 1930 год, отображает, якобы, сплошную коллективизацию на Северном Кавказе. Вот где, казалось бы, актуальность тематики!

Но здесь эта «актуальность тематики» является лишь, как это частенько бывает, обратной стороной и маскировкой приспособленчества. Второй том романа есть сплошное опошление той великой работы, которая проведена в прошлом году партией по социалистической перестройке северо-кавказской деревни.

Любин не знает колхоза и потому не может показать колхозное производство, организацию труда и распределения в колхозе. Он старательно обходит эти вопросы, прячась для малознающих колхозы «критиков» за их к чему не обязывающими фразами, вроде: «шестой день рабочие (!) горели в работе, соревнуясь друг с другом», или сообщая изумленным читателям, что «обязанности между рабочими (так он всюду называет колхозников. — Н. М.) были распределены поровну».

У нас есть сорт критиков, которые подходят к художественному произведению довольно оригинально. Если это вещь о деревне, то они старательно ищут, сказано ли там про ячейку, про совет, есть ли связь с городом, показано ли расслоение и т. д. Если, к примеру, ничего не сказано про секретаря ячейки, то такой критик начинает «громить». Для критиков этого рода роман Дюбина — верх совершенства: там есть буквально все. Ничего не забыто, перечислены все партийные лозунги, есть и ячейка, и город, и раскулачивание, и статьи Сталина и т. д., и т. д. Но все это — в качестве «лапы критике», ибо автор не понимает ни партии, ни ее лозунгов, не разбирается в классовой борьбе, не видит настоящих врагов колхоза и т. д.

Для очистки совести болтая о классовой борьбе, Дюбин старательно ее обходит, ибо показать ее не умеет. Но суть дела никакой классовой борьбы вокруг коллективизации у Дюбина и нет, ибо раскулачивание у него проведено, для удобства автора, задолго до лозунга сплошной коллективизации, неизвестно, когда и почему (просто сообщается, что «кулаки выселены»). Остается один лишь кулак Дорожев (причем неизвестно, почему же он кулак, понятно только, что он против колхоза), который благополучно умирает к весне 1930 года.

Никакой классовой борьбы вокруг колхоза, таким образом, не предстоит. «Враги внутренние» устранены. Но автор понимает, что без классовой борьбы никто неудобно. Призывается «враги внешние». В хутор специально является польский шпион, и дальше начинаются сплошные ужасы: тут и яды, и убийство, и поджоги амбаров и полей, и отравление колодцев и детей и детских яслях, и фальшивые червонцы и т. д.

В результате колхоз, конечно, выходит победителем, польский шпион кончает самоубийством, плохая компрометирующее его письмо.

Классовая борьба кончена. Роман заканчивается объединением хуторов и один колхоз (для чего, — непонятно, ибо осенью 1930 года на Северном Кавказе производилось как раз разукрупнение колхозов).

Впереди — беспечальное социалистическое житье (если не считать, что при любимой «организации труда» созданный им колхоз, конечно, развалится). Одновременно устраивается и мещанское семейное счастье основных любинских героев, совершенно серьезно выдаваемые автором, якобы, за коммунистический быт.

***

Таков этот «роман» о сплошной коллективизации, выходящий сейчас массовым изданием.

Ну, а кто же за все это отвечает?

Отвечает, конечно, в первую очередь, за свою вещь автор. Но винить его трудно. Его не заставишь написать так, как он не умеет.

«Отвечает» же ответственность несут, по нашему мнению, те, кто развращает своих начинающих авторов, отвечают те, что редактирует и выпускает вещь. Не пора ли нам всерьез поставить вопрос об общественной ответственности редакторов, выпускающих халтуру и портящих пишущую молодежь. И в решениях на такие книжки надо обязательно ставить рядом с автором для необщего обозрения фамилию редактора (который отвечает больше и которого надо бить сильнее, чем автора).

Начать можно с данного конкретного случая. Мы не знаем, кто редактировал «Забурунный край», но полагаем, что издательство «Федерация» любезно об этом сообщит «Литгазете» (кстати, не мешало бы «Федерации», по примеру ГИХЛ, ставить фамилии редакторов на самих книгах!).

А затем мы предлагаем «Литгазете» устроить в клубе ФОСП общественный показательный суд над этим редактором, по вине которого пока что на одну только пропущенную им вещь напрасно израсходовано 400.000 листов-отписков бумаги (полагаем, что на массовое издание бумаги не будет израсходовано).

И. МАКАРЬЕВ

Решительно бороться с великодержавничеством и буржуазными теориями в национальной культуре

Буржуазная археология под маркой советского искусствоведения

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОГО ВОСТОКА». Сборник статей под общей редакцией И. Бороздина. Изд-во «Академия». 1931 г. Тир. 2070. Стр. 115. Ц. 3 р. 40 к. Переплет 30 к.

Совершенно бесспорно, что писать о советском Востоке, если даже сознательно ограничить свою любовь его историческим прошлым, это значит прежде всего писать именно о советском Востоке. Но то что для нас, для советской литературы в целом обязательно прежде всего в книжке с вполне определенным названием, говорившим о большой актуальности поставленной темы, для авторов рецензируемого сборника оказалось на самом последнем месте.

Описывающие во всей скрупулезности древние памятники восточной архитектуры и современное прикладное искусство, авторы статей сборника на всем протяжении своих обстоятельных изысканий хранят скромное молчание по существу основного вопроса — о «культурном наследстве», о преемственности и критической переработке того богатейшего наследия, которое получает молодое искусство советского Востока от всего прошлого.

Сущие «пустяки» исчезли из сборника об искусстве советского Востока — пролетарская революция и величайшие социальные сдвиги, которые она принесла для закрепощенных полуколоний русского царизма, сдвиги, происходящие в условиях обостренной классовой борьбы, оказывающейся также и в расцветающем вместе с небывалым культурным ростом искусстве — национальном по форме, интернациональном и пролетарском по существу.

В своей вступительной статье, претендующей, видимо, на роль методологического введения («Проблемы изучения художественной культуры советского Востока»), И. Бороздин рекомендует как спасательный круг для утопающих «метафизиков» — «подход социологический, с производственным уклоном, «который-де» постепенно начинает проникать в нашу научную литературу, становящуюся на марксистскую базу». — приспособленческий круг, который, увы, не помог даже самому выбросившему его редактору.

Мы нисколько не против археологии и внимательного, любовного даже отношения к памятникам искусства прошлого. Но сколько бы ни «похрюкивался», однако, И. Бороздин в благородных своих археологических порывах, ему бы надо подумать не только о восстановлении «для науки» древних восточных дворцов и мечетей — с порталами и без оных, но и о себе немножко — о собственном своем восстановлении для советской науки и искусствознания. Барские — сверху вниз и оттуда же «в неведомую даль» — позиции буржуазного социологизма (и то очень условного) со своеобразным к тому же по своей самодеятельности к «народам» великодержавническим душком весьма и весьма далеки от хотя бы только сейчас «становящегося на марксистскую базу» искусствознания, какое хочет, но не может представить И. Бороздин. Если его и интересует понятно с древним монументальным искусством Востока, классовым искусством верхних слоев феодально-деспотского общества, искусство советское в собственном смысле, то заключительно в начале отличительного, того отжившего, что из него уходит. «А прикладничество (шитье, ювелирное дело и т. п.) постепенно вымирает. Летом 1928 г. нашедшему эти строки пришлось посетить очень немногих оставшихся представителей художественного ремесла и казанской татарской слободе и на месте убедиться в закате казанского художественного прикладничества» (стр. 11).

Чем же закат советского восточного искусства, бурные судьбы которого фатально обрекают на вырождение художественное мастерство недавнего прошлого?

Но при всем безнадежном своем пессимизме в оценке будущности советского искусства И. Бороздин не теряет все же смелости духа, критикуя других в полном самозабвении собственного своего «я». В другом месте он пишет: «Мы встречаемся, однако, и с некоторыми попытками статистического анализа, основанного на формальном методе... Тверская архитектура «сейчас в большой моде; к ней весьма велик интерес и на Западе, но как раз новейшая работа западных ученых по искусству Востока и по архитектуре Востока, в частности, оказываются неполными и неубедительными, благодаря незнакомству с материалами советского Востока» (стр. 14).

Но вы и наши коллеги, И. Бороздин, неразумысленно ориентирующиеся на Запад, своим способствуете этому незнакомству, этой усердно взращиваемой собственными же вашими руками «разведенной клюкве» об искусстве советского Востока. И вы положительно беспелобны И. Бороздин, когда восклицаете воодушевленно и горячо, кончая с проблемами, поставленными только в заголовке: «Итак вооружившись социологическим скальпелем — за детальное обследование и изучение богатейшего художественного творчества советского Востока! Этим мы должны выполнить свой долг не только перед восточными народами нашего Союза, но и перед мировой наукой» (стр. 19).

Перед мировой — возможно, по какой мировой? Для нас это понятие географическое, так же как и для вас, но видимому, только географическое — советский Восток. Перед мировой буржуазной наукой, барахтающейся в болоте голого эстета и формализма, намерены вы И. Бороздин, как видно, выполнить свой святой долг — так будет точнее.

Замечательно, как один из авторов-искусствоведов Б. Чуммен в крайне поверхностной, эклектической и формалистской, хотя и крайне претенциозной статье — «Вехи развития искусства Азербайджана», вскрывает весьма «глубоко» зарывшемся своим культурно-социологическим скальпелем движущие противоречия дореволюционного искусства Азербайджана: «Старая культура денационализовала верхи, раскалывала искусство на барское и мужицкое, предопределила пренебрежительное отношение к «неумелой кустарщине». Покому искусству Азербайджана, развивающемуся под знаком национального возрождения, необходимо учесть опыт и этого мудрого в своей простоте «низового» искусства» (стр. 103). Несомненно, что такая изощренная, кем-то внушенная, по-голому поставленная вопроса о национальной культуре подменяет марксистско-ленинский классовый анализ, понятие кустарной и смешно нахлупшей эклектической колебкой.

Выводы ясны сами собой: сборник о художественной культуре советского Востока является самой беспардонной клеветой на него, на новое его молодое, революционное искусство, крепнущее наперекор всем буржуазным плакальщикам, пытающимся, однако, стать и могильщиками.

Но они останутся только плакальщиками.

И. Б—Н.

Тысяча отрок пошлости

АЛЕКСАНДР ЧАЧИКОВ — «Тысяча строк». Стихи 1918—1926 гг. «Федерация». Москва. 1931 г. Стр. 75. Ц. 75 к.

Самый факт напечатания в 1931 г. стихов с 5—13-летней давностью мог бы быть об'яснен и оправдан только большим политическим и художественным значением этих стихов. Но ни того, ни другого нельзя сказать о книге Чачикова.

По буржуазным поэтическим канонам требуется, чтобы Восток был изображен нам страна любви, роскошных пейзажей и экзотики. Таким, в основном, изображает Восток и Чачиков. Прекрасные раджасы, в которых влюблены дамы, гаремы, где автор тоже, конечно, влюблен и другие непременные атрибуты восточной экзотики находят свое непременное отражение в книге Чачикова.

Характерно, что любвеобильный поэт представляет себе социализм, как своеобразный мусульманский рай, где единственным занятием будет любовь.

«И женщин шелковые имена
Сольются с эпонимами мужскими.
Придет вечерою весна:
Коммуна будет это имя».

Так кончает Чачиков стихотворение «Коммуна» (стр. 31—32). Есть в книге еще несколько исконнореволюционных стихотворений. При этом все они — «24», «25 октября», «Костер восстаний», — лишь необходимая дань времени, а может быть и Главлиту. Они общи, абстрактны и не содержат никаких новых для советской науки и искусствознания. Барские — сверху вниз и оттуда же «в неведомую даль» — позиции буржуазного социологизма (и то очень условного) со своеобразным к тому же по своей самодеятельности к «народам» великодержавническим душком весьма и весьма далеки от хотя бы только сейчас «становящегося на марксистскую базу» искусствознания, какое хочет, но не может представить И. Бороздин. Если его и интересует понятно с древним монументальным искусством Востока, классовым искусством верхних слоев феодально-деспотского общества, искусство советское в собственном смысле, то заключительно в начале отличительного, того отжившего, что из него уходит. «А прикладничество (шитье, ювелирное дело и т. п.) постепенно вымирает. Летом 1928 г. нашедшему эти строки пришлось посетить очень немногих оставшихся представителей художественного ремесла и казанской татарской слободе и на месте убедиться в закате казанского художественного прикладничества» (стр. 11).

Чем же закат советского восточного искусства, бурные судьбы которого фатально обрекают на вырождение художественное мастерство недавнего прошлого?

Но при всем безнадежном своем пессимизме в оценке будущности советского искусства И. Бороздин не теряет все же смелости духа, критикуя других в полном самозабвении собственного своего «я». В другом месте он пишет: «Мы встречаемся, однако, и с некоторыми попытками статистического анализа, основанного на формальном методе... Тверская архитектура «сейчас в большой моде; к ней весьма велик интерес и на Западе, но как раз новейшая работа западных ученых по искусству Востока и по архитектуре Востока, в частности, оказываются неполными и неубедительными, благодаря незнакомству с материалами советского Востока» (стр. 14).

Но вы и наши коллеги, И. Бороздин, неразумысленно ориентирующиеся на Запад, своим способствуете этому незнакомству, этой усердно взращиваемой собственными же вашими руками «разведенной клюкве» об искусстве советского Востока. И вы положительно беспелобны И. Бороздин, когда восклицаете воодушевленно и горячо, кончая с проблемами, поставленными только в заголовке: «Итак вооружившись социологическим скальпелем — за детальное обследование и изучение богатейшего художественного творчества советского Востока! Этим мы должны выполнить свой долг не только перед восточными народами нашего Союза, но и перед мировой наукой» (стр. 19).

литературные „павлины“

«Янгильские павлины». Ташкент. Узгиз. 1931 г. Тираж 3.000. Цена 1 р. 25 коп. Российская секция Узбекистанской ассоциации пролетарских писателей (УзАПП).

Национально-культурное строительство Узбекской ССР имеет огромное значение. Пролетарская литература все более и более становится оружием классовой борьбы за интернациональное единство, за коллективизацию, за создание кадров национального пролетариата, за новый быт.

Выпущенный недавно сборник ударной бригады пролетарских писателей Узбекистана с такой установкой на задача и содержание пролетарской литературы имеет очень мало общего.

Особенно обращает на себя внимание то обстоятельство, что это издание «Российский» секция Узбекистанской ассоциации пролетарских писателей (УзАПП). Мы спрашиваем, почему «российская»? Разве в Узбекской ССР появилась новая «российская» национальность? Или «достоинство» названной секции не позволяет называться иначе? И что это за «российское представительство» в УзАПП? От этого «рассейства» попахивает великодержавным шовинизмом.

Язык грубо зарифмован, редакция книжки ужасающе небрежна.

Вместо переделины в ней помещено стихотворение бригадира Виктора Титова «Ко второму большевистскому севу». Из него мы узнаем о программе сборника:

...Наш сборник
Является
Первой попыткой
Бригады узапповцев,
Вышедших в бой
За хлопок,
За темп —
Попробовать вытянуть
Портреты баев
Колхоз засоривших собой...

Они, видите ли, вышли в бой за хлопок, за темп, за тем, чтобы попробовать вытянуть портреты баев (звучит по меньшей мере любопытно!). А по нашему, из-за этого выходить не стоило.

Далее вольнем очерк Ян. Казимирянича «Здравствуй, коммуна». Он пишет: «Мы не спрятались по кибиткам правленцев и сельсоветчиков, а расположились в чайхане на виду у всех колхозников, угощали их, а в ответ охотно принимали из их рук дружественные (?) пиалы кок-чая (заменившие здесь трубки мира)».

Где это?! — «дружественные пиалы, заменившие тут (где?!) трубки мира»(?). К чему это? Может быть авторы чувствуют себя, как туристы или герои Майн-Рида у индийцев — со скальпами, томагавками и т. п. экзотикой? Кто это? Бригадиры пролетарских писателей или знатные иностранцы на Востоке?

Нельзя обойти молчанием и сводящий «перл» сборника. Автор цитирует «галиматью» в 32 строки (стихотворение Заболоцкого), понятно о которой можно получить по нескольким строкам:

Опопоумев от пытки,
Огромный дом, виляя задом,
Летит в пространстве бытия!
А бедный конь руками машет,
То вытянется как палка,
То снова весь нет сокращает
В его блестящем животе!
А там...

Автор очерка не только подтверждает подлинность стихов, но объясняет их так, что «между Заболоцким и янгильскими павлинами нет никакой разницы».

Удивительная политическая проникновенность автора, заинтересованного восприятие реальности мира у правых оппортунистов и у Заболоцких. Кроме, как мрак выраженным примиренчеством, смазывателем правой опасности, можешь загибы нельзя квалифицировать этот оригинальный сальто-мортале автора.

Такая политическая установка является между прочим основной для большей части произведений, напечатанных в сборнике.

В. Р.

На высшую ступень

ЖУРНАЛ «РАПП» № 1. 1931 г.

Выход в свет теоретического журнала «РАПП» — явление, свидетельствующее о перестройке нашего движения, о подъеме на новую, высшую ступень философско-теоретического обоснования проблем пролетарской литературы.

Теоретический журнал «РАПП» должен обогатить практические цели литературного движения, стать для него действенным орудием разработки вопросов творческого метода, орудием борьбы с буржуазной литературой, с классово-чуждыми влияниями, с литературным капитулянтством всех мастей и оттенков, орудием большевистской самокритики ошибок в нашем движении, но уже на новой, более высокой основе.

Характерной особенностью материала в журнале «РАПП» является философское обоснование вопросов искусства и литературы. Так, например, т. М. Серебрянская в статье «Враги», анализируя критическую продукцию наиболее живучего меньшевика Д. Горбова, устанавливает кантианский характер его теорий, философски обосновывает творчество рабочих-ударников Е. Михайлова. Однако, статья ее «На первом этапе», к сожалению, не свободна от легковесной игры в термины, и «ученые» словечки, затемняющие анализ конкретной продукции ударников. Вертеп в основном, эта статья т. Михайловой содержит, однако, иногда неправильные формулировки.

Статья т. Разумнева «Задачи философии и литературоведения» представляет интерес, главным образом, в своей «чисто» философской части, содержащей критику меньшевиствующего идеалистического доборинской школы. Анализ основных вопросов пролетарской литературы был сделан т. Разумневым очень бегло и недостаточно конкретно. Критикуя ошибки товарищей из руководства РАПП, т. Разумнев, к сожалению, не отметил своих ошибок (защита Переверзева и пр.).

Самокритическая статья т. Лебединского разрабатывает вопрос о соотношении в процессе творчества мировоззрения и эмоциональности. Содержательная и серьезная статья т. Лебединского, однако, представляла бы неизмеримо больший интерес, если бы автор показал, как отразились на его творчестве некоторые неверные теоретические положения.

Весьма отдаленную связь с самокритикой имеет зато статья т. Гельфанда «О меньшевиствующем идеализме в литературоведении», направленная против книги Беспалова «Проблемы литературной науки». М. Гельфанд совершенно не отметил своих ошибок (я только упомянул, что, мол, ошибки были). Да и в критике Беспалова Гельфанд отметил далеко не все, например, он не коснулся вопроса о теории «борьбы стилей» в беспаловском понимании и совершенно обошел вопрос о творческих взглядах Беспалова.

Редакция журнала «РАПП» напрасно поместила без соответствующих примечаний статью (впрочем, стоило ли ее вообще помещать?) Л. Тимофеева «Классовая борьба в литературе». Выдвигающее положение литературных вопросов перечеркивается у Тимофеева с неверными литературно-политическими формулировками. Тимофеев ставит знак равенства между позитивным значением литературных классов, трактует литературоведческое понятие «борьба стилей» в духе Беспалова, сводя к этому понятию классовую борьбу через художественную литературу к «борьбе стилей» и трактуя таким образом общее в частном случае. Тимофеев берется утверждать такие, что «до сих пор основное внимание было направлено на материалистическое понимание литературы, на раскрытие ее социальной обусловленности... Разработка... вопросов, связанных с ее (литературы. Б. Д.) активным воздействием на действительность у нас оставалась совершенно в стороне» (подчеркнуто мною Б. Д.). Совершенно неверно, конечно, Тимофеев отождествляет переверзевщину и рапповскую критику, утверждая, что «у нас» не разрабатывались вопросы активного воздействия литературы на действительность. Нет, конечно, не «у нас», а у Переверзева были они в загоне. Вторым, Тимофеев считает, повидимому, возможным пакленить на переверзевскую теорию «вопросы активного воздействия», и все станет хорошо. Тимофеев явно оппортунистически по существу, хотя и весьма лево по форме характеризует состояние идеологического фронта, указывая на то, что здесь будто бы уже «уничтожен разрыв между теорией и жизнью». Анализировать же все ошибки Тимофеева — это задача специальной статьи *.

Исключительный интерес представляет ознакомиться на опыт Германии статья т. Витфогеля «О пролетарской культуре», разрабатывающая вопросы пролетарской культуры в капиталистических странах. Культурному движению пролетариата противостоят механистические ликвидаторские теории, отрицающие возможность развития и необходимость борьбы за пролетарскую культуру, до захвата власти пролетариатом, или же теории особого, исключительно-отрицательного характера пролетарской культуры, содержащей в себе лишь элементы критики, разрушения и т. п. Здесь еще только начинаются бои за признание пролетарской культуры, и товарищам, работающим в этой области, нужно будет использовать опыт пролетарского литературного движения СССР.

В задачи «РАПП», несомненно, входит работа не только над проблемами пролетарской культуры в странах капитализма, но и национальных культур Союза. Первый номер журнала не дал материала по вопросам национальных культур, но пока это еще нельзя считать упущением. Несомненно, что в связи с переорганизацией журнала в орган ВОАПП эти вопросы должны будут исчерпывающе освещаться.

Необходимо отметить, что № 1 журнала вышел с большим опозданием. Запаздывает и № 2 — по вине издательства. Это совершенно недопустимо.

Теоретический орган пролетарского литературного движения заслуживает большего внимания со стороны ГИХЛ.

Б. Д.

* Редакция оставляет за собой право вернуться к критическому разбору статей № 1 РАПП, не получивших в настоящей рецензии своего освещения.

Б. Лапин и З. Хацревин

Заметки о таджикской песне

Опыт комментированного перевода

В экспедиции весной 1931 года, изучая крестьянское хозяйство Таджикистана, нам случалось встречать неграмотных людей, сочиняющих песни по образцу старинных мастеров. Мы заинтересовались содержанием этих песен.

Этнографические экспедиции с большой тщательностью собирают обрядовые, религиозные и бытические песни, проходы мимо обширных богатств устной поэзии, возникшей среди крестьянской бедноты, в колхозах, среди угнанных рабочих. Мощное песенное искусство здесь еще не заглохло и живет наряду с печатной литературой.

Мы нашли две пересекающиеся линии. Влияние традиционной риторической поэзии бухарских эпоний, сказывающееся в мертвой архитектуристи форм, перекрещивается с воздействием новых отношений и понятий, созданных революцией.

1

Прежде всего мы столкнулись с рядом песен, относящихся к временам интервенции контрреволюционных басмаческих движений.

ПЕСНЯ О ЯР-СУЛТАН-АЗИМ-ДЖАНЕ

говорит о гиваре бандитской шайки, в 1921 году эмигрировавшем в Афганистан. Горным советского Бадахшана обращается к нему в песне:

О убийца героев, Яр-Султан-Азим-Джан,
Больше ты не вернешься в каменный Бадахшан!
Больше не переплывешь ты бурной речной воды,
Где, опершись на ружья, стояли — я и ты.
Мне говорят — в Кабуле ты стеснешь базар.
Мне говорят — старает Джан-Султан-Азим-Джан.
Двадцать головорезов ходят вслед за тобой —
Двадцать собак, готовых в прану и на разбой.
Слушай, Кабул, и слушай, Яр-Султан-Азим-Джан,
Что говорит нам в песне каменный Бадахшан:
Если вы захотите снова к нам забрести,
Каждый дорожный камень встанет вам на пути,
Каждая ветка хвои вцепится вам в глаза,
Ноги коням стреножит вьющаяся поза,
Горы подымут плечи, сбросив груды камней,
Из берегов навстречу выйдут реки равнин,
Жены взвоют от злобы, Яр-Султан-Азим-Джан,
Если ты возвратишься в каменный Бадахшан:
«Здесь тебя ненавидят — руки твои в крови!
«Если ты жив в Кабуле — радуйся и живи!»
Старой сандалией пиной бей в базарный порог,
Рыскай вдоль стен, глотая пыль городских дорог,
Жди, когда вестник вскочит на городской мих вал,
С криком: «Волки нашли! Враг побежден и пал».
Жди... Но ты не дождешься, Яр-Султан-Азим-Джан,
Больше ты не вернешься в старый наш Бадахшан,
Больше ты не услышишь крик убитых детей,
Хрип лошадей и быстрый взмах свистящих плетей,
С дальних гор не прорвутся зареевыми арчи,
Подскакивая на скалах, черные басмачи.

2

До революции, батраки, уходившие из таджикских гор на отхожие промыслы в Фергану и Самаркандскую область царского Туркестана, распевали на обратной дороге рубаи — четверостишия. Конечно, батрацкий год и начинался крестьянский. Далеко позади — «дувалы» (стены хозяйских полей).

Далекий Кулиб! Дорожка в далекий Кулиб!
Тебя ли винить мне, что я стал беден и слаб.
Где мать? Где отец? Где юность моя? Где друг?
В руках чужих мотыга. Я беден и слаб.
Прощай, мой кишлак, прощай, высокий кулиб,
Прощай, хозяин, довольно я здесь горевал!
Я вышел в горы. Кругом вода и туман.
Пройдем перевал, друзья... Еще перевал.

Осенью 1930 г. рабочие, возвращаясь с дождливых сезонных полей, так же пели песни, останавливаясь в красных чайханах. Они видели Сталинабад, бывший кишлак Душанбе, и новую железную дорогу, проложенную по караванному грунту.

ЗАПЕВКА.

И Самарканд, и Кандагар — я видел,
И жар пустыни и базар — я видел,
И треть Мухаммедова мира — видел,
И снег высокого Памира — видел.
Напал изнемо и пенка пушины,
На спину гор я втаскивал курджины.
Но никогда такого чуда я не видел,
Как Душанбинская железная дорога.

3

В Дарвазе, где дороги ужасны и богатство крестьян измеряется количеством тутовых деревьев, нам удалось увидеть популярного Мунавар-Шо из Умарна, секретаря Кала-и-Хумбского волостного совета. Он сочинял революционные стихи и притчи. Воспитанный на феодальном Саади, он восхищался им и всетаки страшился его влияния. За давностью расстояния ему почти не приходится печататься. Его произведения распространяются в списках.

ИСТОРИЯ МОЕГО СЕРДЦА

«Меня били палками. Меня сажали в ямы. Мне не давали есть двадцать четыре дня. Но бурю моего сердца нельзя было остановить. Я плакал кровавыми слезами. Пристыда эмира смотрели мне в глаза. Я им нет.
Вы думаете, вы убили меня?
Дурачье, я узнал злобу судеб.
Грабьте дом бедняков, жрите на хлеб,
Будет день — из дворцов выбьет вас месть,
Как снопы ячменя пляшущий цеп.
В мою деревню приходили солдаты.
Они искали сеятелей революционной смуты. Они казнили моего отца у ворот соборной мечети.
Выходи на холмы мятежей, конь.
Погляди! Все вокруг — дым и огонь.
Как табун жеребцов, мчатся часы.
Пронесись — и пуста степь надень.
О, к чему вспоминать это прошлое.
Голодное и кнутовое время наших властителей. Сварливые годы хапских собак.
Мое сердце говорит о новом —
О, таджикская земля! Время для тебя пришло!
Миновал жестокий зим, время для тебя пришло!
Плуг, взрывающий поля, время для тебя пришло!
О советский человек, время для тебя пришло!

Этот же Мунавар-Шо послал в таджикскую газету стихотворение, в котором он пересматривает прежнюю иерархию таджикской судьбы, от муллы в «сарраф»-меняла.

КЕМ БЫ Я ХОТЕЛ СТАТЬ

Не муллой и не купцом я хотел бы стать,
Не дервишским слепцом я хотел бы стать,
И не сыном богача, разодетым в шелк,
С нарумяненным лицом — я хотел бы стать.
Не владельцем переправ я хотел бы стать,
И не жирным, как сарраф, я хотел бы стать,
И не пенарем старух с киной и сурьмой,
Как базарный чистеприк, я хотел бы стать.
Агрономом и врачом я хотел бы стать,
Деревенским избачом я хотел бы стать,
Тем, кто вырвет старый мир словом Ильича,
Как крестьянин острым, я хотел бы стать,
И народным комиссаром я хотел бы стать.

4

Огромный и непрерывный материал мы нашли в колхозах. Баба-зада, секретарь самаркандской районгазеты «Хакикати Узбекистана», издающейся на таджикском языке, доставил нам список некоторых из этих песен, распевемых во время уборочной кампании с протяжным припевом «долай» и «зай-джон».

Идем, идем, в поход за хлопок, братцы,
Братцы, эй додай!
Хозяйство наше станет расширяться,
Вай додай.
Вай-джон.
Муллю и бою некуда деваться, эй додай-джон!
Смотри, колхозы расцвели в пустыне,
В пустыне, эй додай!
Там, где их прежде не было в помине,
Вай додай вай!
Есть чему дивиться, дорогая!

5

Мы сидели в редакции газеты «Пролетарий Худжанда». В окно открывался кусок улицы, огороженной апрельской зеленью. Нас познакомил с тов. Шарафовым. Шесть лет назад он пришел на гор в бритве стихотворение, написанное в подражание первым бухарским одам революции. Его напечатали.

На полях уходят тени — как мне не воспеть тебя!
Из-за гор выходит солнце — как мне не воспеть тебя!
Как светильник, озаривший в яме дней глухую тьму,
Революция восходит — как мне не воспеть тебя!
О сияющий, как солнце, ясный вождь рабочих масс,
Точно так и ты восходишь — как мне не воспеть тебя.
И навек уходит тени рабства и ужасной тьмы
Из кочевок и селений. Как мне не воспеть тебя!

Страна менялась. Он менялся вместе с ней. Туманное и расплывчатое представление о сегодняшнем мире исподволь заменялось конкретным и уплотненным ощущением жизни. В его стихах реже встречается бездумные метафоры, заимствованные из болтливых бухарских од. Я не могу из дышать свободней и жарче.
Если я вижу разрытой сухую равнину,
Если вода идет по хлопковой пашне,
Если я вижу оконченную плотину.
Всем, кто со мною стремится к новой жизни,
Радуюсь, как отец родимому сыну,
Как мне не крикнуть: «здравствуй, новое племя!»
Если мой сын водит по полю машину
Если я вижу, как плуг подымает землю,
Как на сказать мне: «снова груду — испокину!»
Если грозит мне: «старое снова вернется» —
Я упаду на землю и в страхе застыну.
Дай мне винтовку, товарищ, дай мне патроны,
В бой пойду и советской страны не покину!

6

На той грани, которая отделяет поэзию устную, рассчитанную на хлопковых полях, от таджикской печатной поэзии, мы находим ряд произведений, отличающихся часто высокими достоинствами. Мы перевели из них две песни. Одна из них говорит о зарубежном Востоке, о персидской нефти, о колониальной революции. Автор ее — сельский учитель.

Абадан — город в Южной Персии. Кишлак и луры — племена. Ардарун — женский терем. Это мало знакомо нам, но понятно таджикам.

ВОЖДЬ ГОВОРИТ.

— О вы, кто сыты и богаты, — он говорит, —
Бросайте кольца и халаты — ваш дом горит!
В огне времен, как пуч и хворост ваш дом горит!
На трубном языке расплаты он говорит.
Где пыль и полночь Абадана, где нефть кипит,
Из стенящегося тумана он говорит:
— Пора! Танцуют в ночь зарницы последних битв!
Тартальщикам зеленоликим он говорит,
— Пора, пора, друзья, мы с вами — труба трубит!
Над выжженными промыслами он говорит.
Рукою, огнем и смертной дрожью он говорит,
Над голодом и бездорожьем он говорит.
— На бой колонны поведу я, под стон тамбур, —
И мчат, пустыним салютуя, нашгай и пур.
Среди отар тяжеворунных он говорит.
В дворах, в мечетях, в зидарунах он говорит.
Сквозь дождь, сквозь крупный лед и наветь он говорит,
С бомбейскими бунтовщиками он говорит.
Под солнце блеск, под звезд мерцанье он говорит,
На трубном языке восстанья он говорит.

К этому же ряду относится стихотворение.

ДВА ПОХОДА.

Мы идем в поход! Мы идем в поход на чадру и на паранджу.
Мы идем за свободу твою, Восток, к отдаленному рубежу.
Мы идем за свободу своих сестер и за жизнь своих дочерей,
А они... Чего хотят они? Я на правду их погляжу.
А они идут до края земли — гордо поднят английский флаг.
А они убивают братьев моих — кровью залит каждый их шаг.
А они ласкают хитрых царьков и гнетут покорных их слуг,
И всякий, кто смотрит им прямо в глаза, для них беспощадный враг.
Мы идем в поход за вольность твою, о Китай и Индостан!
А для них Индостан и Китай нужны, как для плова жирный баран.
Здесь у нас не найдет себе места жить ни эмир, ни шейх и ни ханы,
Нам не надо бога и слуг его из своих и из дальних стран.
Там, у них, навалом на горб бедняка груз несносных тягот земных,
И ужасен плач голодных детей в домах индийских крестьян.
Мы хотим открыть для народов земли по-новому яркий мир, —
Вы хотите снова нас опрячь в ярмо, о богач, о шейх, о эмир!
Мы рвем уголь, плавим чугун, льем сталь, собираем станки,
А вы нам готовите снаряд обед из орудий, бомб и мортир.

Пред тобою открыты два пути — впереди ты видишь зарю.
Посмотри, где добро, посмотри, где зло и борись — так я говорю.

На этом мы кончаем заметки об устной таджикской поэзии. Здесь начинается новая тема — тема молодой пролетарской поэзии Таджикистана.

в течение года печать и пролетарская общественность сигнализируют о неблагополучии на тверской, 17

руководство радиоуправления ни словом **не ответило** на эти сигналы

художественное вещание проникнуто халтурой, формализмом, приспособленчеством

мы требуем *реконструкции радиоработы*

за большевистское радиоискусство

(Сигналы «Правды», вскрывшие серьезность положения на фронте радиовещания—особенно в основном его участке — политическом, принесли громадную пользу делу реконструкции радиовещания. Необходимо со всей решительностью распространить выводы «Правды» и на все разделы радиовещания, в частности, художественное.

Совершенно недопустимо отставание художественного радиовещания от темпов и требований реконструктивного периода. Засоренность художественного вещания халтурщиками, приспособленцами, классово-чуждым элементом; наличие в практике художественного радиовещания худших пережитков театральщины, бесплановости и стихийности, установок на беспринципное «развлекательство», наряду с сухостью, казенщиной и безграмотностью агитационной работы; беспринципная и явно реакционная линия и практика музыкального вещания и т. п.—все это требовало резкого отпора разговорам о реформе отдельных частей радиовещания, о ремесленном «улучшательстве». Все это требовало постановки вопроса о коренной реконструкции художественного радиовещания, борьбы за партийность радиовещания, за его классовую направленность.

Однако, вопросы реконструкции художественного радиовещания, как и всего радиовещания, были поставлены на разнобой и разобщено. Отсутствие четких формулировок путей реконструкции, недооценка и прямое бюрократическое и оппортунистическое сопротивление реконструкции привели к тому, что после года работы по перестройке мы имеем совершенно неудовлетворительные результаты.

Принципиально-политическая борьба вокруг вопросов реконструкции, развернутая радиоработниками, в большинстве членами РАПП, АРФ и ВАПМ в процессе производственной работы и в печати, в достаточной мере показала наличие ряда оппортунистических искривлений в радиовещании.

Типичным проявлением правого оппортунизма в линии и практике художественного радиовещания являются: примиренчество к буржуазным влияниям и течениям, приукрашивание их реакционную сущность, беспринципное сравнивание с попутчиками вместо сотрудничества с ними и их перевоспитания на основе четкой партийной линии, обязательский нейтралитет в вопросах борьбы за творческий метод, недооценка пролетарского молодняка, переоценка буржуазных специалистов работы в области теории и методологии, подмена социалистической реконструкции радиовещания бюрократической аппаратной реформой.

Руководство радиоуправления не возглавило до сих пор борьбы за реконструкцию художественного радиовещания, не вело в этих вопросах достаточно четкой и принципиальной линии, а также и должной борьбы с конкретными лицами, практика и система взглядов которых в вопросах искусства беспринципны, оппортунистичны, либо даже явно реакционны (Логинов, Поляков, Лопанов, Левицкий и др.).

В настоящий момент необходимо задачи дальнейшей работы в области реконструкции художественного радиовещания поставить четко, исчерпывающе и во всей сумме в связи с вопросами низового вещания и радиохозяйства, учитывая органическую связь всех участков радиовещания с основным ведущим звеном — политическим радиовещанием.

Художественное радиовещание в своих основных путях развития является новым видом массового искусства — радиоискусством, имеющим свою специфику (т.-е. свое иное материальное овеществление художественного произведения). Развивающееся в этом направлении литературно-художественное вещание является основным ведущим участком всего художественного радиовещания, показавшим пример активной борьбы за радиоискусство.

Редакция литературно-художественного вещания, работая по установкам РАПП и АРФ в художественном вещании, отстояла позиции радиоискусства, одновременно по-большевистски проводя борьбу за реконструкцию всего радиовещания, за его классовую направленность.

Однако, первые творческие документы радиоискусства при всей своей ценности являются документами попутническими, и еще ни одного творческого документа, который мог быть поставлен хотя бы как начало развертывания пролетарского радиоискусства в первом этапе работы литературно-художественного вещания мы еще не имеем. Работа в области «малых форм» при всей своей значительности и общественно-политической полезности, при наличии больших достижений, за последние полгода пронизывающих средний художественно-политический уровень, достигнутый «малыми формами» в лучших искусствах (репертуар журналов, «Клубная сцена», «Деревенский театр», «Красная рубаха» и другие), также страдает еще непреодоленным до конца примитивом и упрощенством, фактами халтурных прорывов, формалистическими тенденциями, особенно в режиссерской работе.

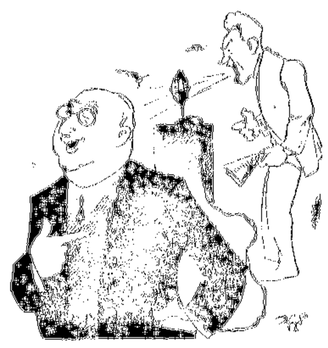


Рис. К. Елисеева

— Кто говорит, что мы занимаемся самокритикой? — пожалуйста!

Это об'ясняется рядом причин и прежде всего крайне недостаточной пролеаризацией творческих кадров художественного вещания. Это об'ясняется тем, что политические силы, которые на радиофронте широко представлены, еще не потеснились достаточно крепкой передовой, переводу на рельсы пролетарской идеологии. Тем более, что теоретическая работа в области радиоискусства была чрезвычайно слабо развернута.

Принимая за основу творческий опыт разработки метода в пролетарской литературе, надо развернуть активную работу по линии его применения к особенностям радиоискусства (здесь надо учиться на примере аналогичной работы в театре, кино и т. д.).

Неправильная структура сектора художественного вещания, не обеспечивавшая должного влияния редакций на качество и стиль исполнения—многоначалие вокруг одной и той же передачи и обезличенная ответственность, отсутствие элементарных производственных условий для работы, административный произвол, погоня за количеством радиопередач в ущерб качеству, господствовавшая все время в СХВ и существующая еще и до сих пор, — все это имело значительное влияние на литературно-художественное вещание, как и на все худ. радиовещание и ставила редакцию литературно-художественных передач в положение, не обеспечивающее нормальной работы.

Второй этап литературно-художественного вещания, начатый такими работами, как «Днепрострой»—А. Афиногенова, «Кузнецкострой»—В. Гусева, «Знамя на лесах»—Андор Габора, так же, как и то, что редакция лит.-худ. вещания сгруппировала вокруг себя и ведет постоянную производственную работу с такой частью пролетарских и советских писателей как Алтаузен, Афиногенов, Асеев, Архангельский, Безыменский, Багрицкий, Бехер, Вольф (Германия), Габор, Гидаш, Гусев, Ве. Иванов, Ильф, Забелин, Колосов, Г. Кнш, Луговский, Б. Лежин, Молчанов, Пастернак, Поспелов, Е. Петров, Ставский, Сурков, Тихонов, Татов, Э. Тоннер, Г. Смоленский, Чужак, Шнерлинг, Шиловский, Ясенский, может быть этапом чрезвычайно плодотворным в овладении подступами в пролетарской радиодраматургии, но только в том случае, если редакция литературно-художественных передач учтет на практике ошибки и неполноценность первого этапа работы и, с другой стороны, если будут обеспечены благоприятные условия для развития участка литературно-художественного вещания.

В музыкальном вещании в последнее время принципиально приняла и декларировала пролетарская линия на словах, но соответственными политическими документами это отчетливо еще не закреплено и на практике не осуществляется.

«Клювощина» в художественном радиовещании, погоня за количеством, неподкрепленным высоким качеством, имеется и до сих пор, засилье реакционных теорий в вопросах музыки чувствуется и сейчас.

Недостатки и искривления оперного радиовещания еще более серьезны, чем в музыкально-концертном вещании. Вся установка и практика оперного вещания вытекает из отношения к музыке, как бесклассовому искусству (отсюда реставрация буржуазных взгляд с переделкой текстов на современный лад). Отсюда противопоставление оперной работы в радио—пролетарскому музыкальному творчеству.

Все эти искривления и уклоны в оперном вещании не только не вытекали до сих пор должного отпора со стороны руководства СХВ и радиоуправления, но получали прямую непосредственную поддержку и имели все условия для развития и расцвета в радиовещании воинствующего мелкобуржуазного либерализма. Необходимо в корне перестроить линию и практику оперного вещания, обеспечив проведение в нем пролетарской классовой линии.

Теоретическая работа по художественному радиовещанию фактически передоверена буржуазным «специалистам», эклектикам, приспособленцам (Ланцкий, Месман и др.), которые строят ее в разрез с линией борьбы за пролетарское радиовещание, протаскивая и культивируя откровенно-реакционные теории, эстетики, однако, маскируясь призывами к пролетарской радиообщественности и декларациями о пролетарском радиоискусстве.

Дальнейшее обсуждение вопросов реконструкции художественного радиовещания надо вести, обеспечив нормальное развитие принципиальной критики и самокритики вокруг вопросов перестройки радиовещания, отдуши выступлений, носящие характер начальнического окрика, зажимающие самокритику и в то же время смазывающие вопрос о борьбе с оппортунистическими искривлениями.

Надо создать атмосферу нетерпимости вокруг фактов примиренческого отношения к оппортунистическим искривлениям и обязательского нейтралитета по отношению к принципиально-политическим разногласиям.

Р.-Р

о темпах, **паузах** и прочем

политическое радиовещание *и „актуальные" передачи*

В политическом радиовещании последнее время преобладает течение, которое ведет активную борьбу за «массовые формы» политического радиовещания, как основные.

Это направление, которое показывает иногда принципиальное к радио работников, с хорошим опытом незаурядных лет, эта линия борьбы за массовые формы политического вещания страдает, однако, целым рядом дефектов и искривлений.

Основное заключается в том, что нельзя, развивая «массовые формы» вещания, противопоставлять их «студийным». Работники же политвещания, увлекаясь «массовыми формами» радиовещания, поставили их в известном смысле как почти единственную форму вещания. Дело дошло до того, что некоторые «теоретики» массовых форм» вещания заявили, что вообще «дорога в студию затоптана».

Главное внимание надо уделить вопросам оперативности и организаторской роли политического радиовещания в целом, сверху донизу, а не в одной Москве, и ежедневно, а не от одного удачного «массового мероприятия» к другому.

«Актуальные» передачи — есть, по существу, разделы политического радиовещания. Если мы можем говорить о радиоэстетах, что, несмотря на ошибки, их работа может итти вперед и несомненно быстрым темпом, то этого никак нельзя сказать об «актуальных» передачах.

Что ставит себе целью «актуальное» радиовещание, если судить по документам, опубликованным его работниками?

Товарищ **Степной**, руководитель «актуальных» передач, пишет, что нужно слушателя поставить в положение непосредственного свидетеля событий. Радиорепортер « это не просто докладчик, а «создатель» особого вида ораторского искусства, он должен рассказать о происходящем и рассказать «художественно». Как же это он должен делать?

От него требуется не просто рассказать о виденном, от него требуется «художественность», искусство, а это, по Степному, заключается в «темпах, паузах, высших точках, акцентах» событий. Уметь воплощать свое впечатление в художественный образ очерк-стам не требуется, и даже наоборот, создается ряд предвзятых, не допускающих этого.

Осенной, обсуждая передачу с Днепрострой, говорит, что передача должна быть «полным отражением натуры. Не один кадр не будет выспрашивать, не будет ничего лакированного», т.-е. товарищ, который будет рассказывать, даже в том случае, если он за полчаса придумал что-нибудь хорошее, не должен перед передачей этого записывать. Только импровизация, импровизация и т. п.

Это неверное положение придумано словно нарочно, чтобы все свести к фотографии.

Прачем бедняга-очеркист предупреждается, что он не должен изучать слишком длительно производство, чтобы «не притупить остроту восприятия».

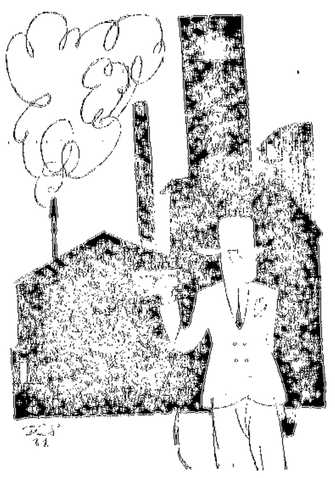
Этот молодой, еще не сложившийся кадр радиовещания «болен» чрезвычайно опасными тенденциями дефовщины и в теперешнем своем виде во многом механически переносит опыт буржуазного актуального радиовещания в советские условия.

(Напр., передача момента выборов с места «события» подавалась, как сенсация, рассчитанная на обывательское ухо, вплоть до потока малограмотного репортера с микрофоном за «рулем» крыльев пролетарской чайки).

Мы думаем, что «актуальные» передачи должны быть не только порождены по быстроте политической информацией, организующей массу, показывающей те или иные события так, чтобы этот показ события организовывал массу, но и самим, выполняя задачу коллективного организатора социалистического соревнования и ударничества, организовывать события, вырывать их, выявлять инициативу масс, поглядывать их.

«Массовые формы» радиогазетного вещания включают в себя таким образом и так называемое «актуальное» вещание, а «актуальное» вещание в его «чистом» виде, в той части, где оно строится, как политическое вещание, должно реконструироваться в плане «массовых форм», следовательно и самый термин: «актуальное» вещание, механически вместо с формой взятый из буржуазного опыта, должен быть пересмотрен.

Радиоработник.



Не следует изучать слишком длительно производство, чтобы „не притупить остроту восприятия"

оппортунизм, беспринципность и зажим самокритики в радиовещании

письмо в редакцию «Литгазеты»

О марте 1930 года по инициативе руководства РАПП начата была серьезная работа по сколачиванию рационных кадров в радио, по развертыванию литературно-художественного вещания. Эта работа была поручена мне.

Как обозначились и принялись политические и творческие установки рационных (всего нашего коллектива) по всей системе радиовещания, навоны итоги первого этапа работы?

В декларации АРФ в мае 1929 года положение формулировано было так:

«...Наличное состояние радиовещания явно не соответствует требованиям реконструктивного периода... активная, бодрящая, здоровая культура... заполнена разночерелами. Пролетарские литературные кадры и рабочая общественность почти не организованно. Тяжелыми мыслями в радиовещании стоим и не имеем достаточной определенности, политической и классовой направленности».

В августе 1930 года на всесоюзной конференции радиоработников по моему докладу о радиовещании, на основе первого опыта работы АРФ и литературно-художественного вещания, была принята резолюция, требовавшая перестройки всего художественно-радиовещания на рельсы борьбы за создание пролетарского радиоискусства. Эта резолюция была утверждена и руководством радиоуправления, стала обязательной директивой для всего радиовещания.

Но практическая работа на перестройке развернулась только по линии литературно-художественных передач, встретив большое сопротивление оппортунистов и бюрократов радиоуправления, и для них же и руководства замаскировалась, тем более, что реконструкция литературно-художественного вещания велась по выжидательно, а в прямом смысле с борьбой на провалившую литературно-политическую линию **во всем радиовещании.**

До тех пор, пока борьба шла среди радиоработников и в стенах радиоуправления, руководство (т. Смирнов) умудрялось вести двоедушную линию, давая блестящую оценку работе литературно-художественных передач и АРФ, в то же время непосредственно руководя развертыванием сквозного вещания по линии воинствующего мелкобуржуазного либерализма, непосредственно руководя работой «лаборатории» Лупанова, где нашли себе пристанище и питательную среду буржуазные специалисты, всякие противники пролетарской культуры, поддерживая дефовские забавы в актуальном вещании, непосредственно руководя реакционной политическою радиовещательного вещания под лозунгом «не притупить», отрицающим революционное движение как основу перестройки радиовещания.

Три месяца назад, основываясь на многократных заявлениях и декларациях Смирнова и на наличие в народном хозяйстве внимания вопросам радио, я предложил т. Смирнову выступить и сделать хотя бы в решающем номере же журнала «Говорит Москва» с четкими установками.

В связи с тем, что т. Смирнов, признав мой постановку вопроса много здоровою и ценною, практически ничего делать не стал, а, наоборот, развил деятельность по замалчиванию и стабилизации неодобренных реакционных установок в оперном, музыкальном, радиоцирковом, актуальном вещании и в теоретической работе (выход журнала «ЗТ» с передовыми Месмана, редактор Поликарпов, выход журнала «Радио за границей»; систематическое снятие критических материалов в журнале «Говорит Москва»; дальнейший рывок оппортунистической линии в практике и работе этого журнала и т. д.), и я до конца перешел ряд вопросов в пленуму прессы, начался сдвиг радио в «КП», вскрывший оппортунизм в художественном радиовещании, — это сдвинуло с обзором «Правды», вскрывшим оппортунизм в политическом радиовещании и зажим самокритики, «Правда» предложила провести проверку работы радиоуправления сверху до низу.

Безусловно попытались замолчать сигнал «Правды» о проверке радио сверху донизу, руководство радиоуправления и замаскированные работники, всеми силами добивающиеся сохранения беспринципности, аполитичности, атмосферы подхалимства, кумовства, обезлички в работе и пр., в полном разгаре. Мне пришлось спорить и бороться по принципиальным вопросам у руководства радиоуправления, могло выразиться, страшная, зажимая самокритику и административно расправляя критикующих, разводя склоку, они же прикрывают своим противникам, что те «администрируют», ведут беспринципную борьбу и пр.

Четвертый месяц радиовещание идет без сетки и плана, к вопросам хозяйства, к проводке радиовещания рублем еще не приступили, задачи дальнейшей реконструкции политического и художественного радиовещания извращены.

Буквально каждый день дорог, надо покончить с таким положением. Сейчас совершенно необходимо, чтобы кроме партийных организаций вопросами радио занялись широкие пролетарская и литературная общественность.

Н. ЗАЛИН.

„наша эпоха не концертная, а оперная"

против либерализма в музыкальном радиовещании

Беспринципность и эклектизм в построении программ музыкального вещания, низкое качество и «оперный» стиль исполнения, частая повторяемость одних и тех же произведений, приспособленческие появления — факты общепризнанные. Откровенно реакционная линия и практика музыкальной работы радиоуправления сочетается с полным отсутствием массовой работы, чрезвычайно слабой, а зачастую и принципиально вечерней постановкой музыкального воспитания радиослушателей и отсутствием привлечения к микрофону самодеятельного рабочего музыкального движения.

Оперный участок, руководимый небезызвестным Лопанковым, еще более реакционен. В оперном вещании прочные позиции занял воинствующий мелкобуржуазный либерализм: аполитичность тематики, преобладание мелодических форм, как единственно «большевистской установки» в оперном вещании, наряд реакционные авторские и исполнительские кадры.

Самые постановки оперной группы, стоящие на уровне провинциальной халтуры, протаскивают на радио худшие традиции оперной театральщины и целиком ориентированы на зрителя—мещанина, составляющего основную массу посетителей радиотеатра. Лозунг руководителей оперного вещания — «наша эпоха не концертная, а оперная» (буквально!) не нуждается в комментариях.

Такое состояние нельзя объяснять объективными трудностями музыкальной работы. Причина лежит здесь в активном сопротивлении руководства радиоуправления пролетарскому музыкальному движению. Отсутствие работников Ассоциации пролетарских музыкантов в музыкальной редакции центрального вещания — лишь частный пример игнорирования этой линии. Бывший руководитель сектора искусств радиоуправления **М. Логинов** рассматривал ожесточенную классовую борьбу на музыкальном фронте, как сключую борьбу группировок на почве конкуренции.

С другой стороны, в музыкальном вещании нет даже малейших попыток обновить радио, поставить вопросы радиоискусства в музыкальном вещании.

Неоднократное снятие редактором журнала «Говорит Москва» Н. Н. Смирновым критических материалов товарищей, протестовавших против возмутительного качества исполнения их произведений, отказ руководства радиоуправления привлечь на руководящую работу товарища, выделенного правлением ВАПМ, и многое другое является показателем реакционности линии и практики руководства радиоуправления в вопросах музыкального радиовещания.

Нужно заставить радиоуправление повернуть музыкальное вещание к задачам социалистического строительства, нужно до конца разоблачить реакцию и воинствующий мелкобуржуазный либерализм в музыкальном радиовещании!

ПЕРЕЛЬМАН

МИХ. ЛЕВИДОВ *Трибуна творческой дискуссии*

солнце и букашки

...Мама, дай солнце! **ибсен — „привидения"**

Вопрос об использовании солнечной энергии надо решить, и он будет решен! **академик иоффе**

Пятьдесят лет назад норвежский драматург, могучий и лукавый, Генрих Ибсен, мещанином буржуазного общества, ставящий этого общества судьею, ненавидевший современный ему духовный строй в той же степени и мере, в какой не мог он осмыслить современный ему экономический строй, писатель обдуманной и хладнокровной мрости, бросавший в лицо своей современности мучительные и головоружительные загадки, но бросавший лишь для того, чтоб на эти загадки не ответить,—пятьдесят лет назад Генрик Ибсен написал свою знаменитую драму «Привидения». Это пьеса распада, гниения, смерти и мрака, и великолепный идеей звучит ее великолепный финал: «мама... дай солнце...» — лепечет жалостно заживо разлагающийся Освальд Альвинг.

Да, действительно, — дай солнце! Лишь легенерат, для которого жизнь—сплошный и непонятный сумрак, может, так казалось Ибсену, тянуться за солнцем. Но если б и дотянулся,—они ведь дотягивались, герои Ибсена,—то ж из этого Альмиру Эдгалло, строителю Солнцесу, Дикон-Габриэль Боркману—зачем им солнце? Для эгоцентрика солнце — это всегда то, это только то, что он хочет, что он должен заслонить своей спиною.

*

В конце 19, в начале 20 веков, когда уходит капиталистический мир в последнюю фазу своего бытия, к катастрофе ведущую,—европейский мелкий буржуа, интеллектуаль, бунтующий одиночка делает последнюю отчаянную и героическую попытку вломить стены своей темницы. В трагикомической эпопее борьбы мелкого буржуа с породившим его строем частной собственности и индивидуалистического мышления — эпоха этой попытки—самые волнующие и прекрасные: на страницах этих имена Ницше, Франса, Роллана, Шоу, Уэллса. И Уэллса. Уэллса, сущностная цель всей жизненной работы которого была: не позволить себе стать скептиком и пессимистом.

Он таковым и не стал. Уэллсу казалось,—кажется ли теперь?—что он верно понял основную линию путей человечества. Эволюция человеческих взаимоотношений, благодаря революционизирующему влиянию науки,— вот в последнем счете основная формула мысли и творчества Уэллса, вот спасительная формула, вносящая смысл и целеустремленность в мироощущение мелкого буржуа, страхующегося его от пессимистического отчаяния, от анархического бунта. И не по-ибсеновски, а по-уэллсовски тянется герой Уэллса, все один и тот же герой, герой революционной в одиночестве своем мысли—за наукой, за солнцем.

«...Он сидел, худой и длинный,—рассказывает Уэллс в одном из романов своих об этом герое,— на бугре, где-то на окраине Лондона. Его рыжие волосы развевались на ветру, он сидел свои острые колени худыми руками и вперил настойчивый взгляд в закат. — Погоди, рыжий дьявол, — шептал он солнцу, — мы доберемся до тебя!» (Г. Уэллс «Освобожденный мир»).

Он сделался великим ученым, этот юноша, т.-е. с точки зрения Уэллса, — великим революционером. Он боролся за освобождение мира вместе с другими, такими же, как он, учеными, мыслителями, философами, педагогами, то-есть интеллигентами, одиночками, героями, которые и призваны завоевать солнце, совершить революцию, исправить человеческие взаимоотношения, освобождать мир в помощью единственного оружия, достойного человека-героя: оружия мысли, науки.

Такова концепция научно-утопических и социально-утопических романов Уэллса. Нам не сейчас обсуждать эту концепцию.

Нет, конечно. Рано только еще раз прочесть и продумать эту замечательную главу в замечательной, хотя еще и неизданной, книге: «История Величия и Падения Мелкого Буржуа», главу, первый абзац которой—«республика мудрых» Платона и заключительный аккорд которой—«власть научно-технической интеллигенции» в концепции Леонида Рамзина? Зиновер в технологическом институте: как должны жить дьяволы» мы, наконец, доберемся, правда, не тем путем, как думал Уэллс. Добираемся лишь потому, говорит тоже Иоффе, что революция в науке, революция техническая «могла притти только вместе с социальной революцией», и прибавим: подчиняясь ведениям социальной революции.

*

В проблеме освоения солнца слово не только за учеными, не только за социологами и экономистами. Могучая, величайшая на сегодняшний день в цикле человеческих идей,—идея о планировании науки должна найти свое адекватное отображение в художественном творчестве нашей эпохи.

Изучная или серая научно-утопическая беллетристика в забвении в рамках западно-европейской и американской литератур помещается посредине между романом лепетным и романом проблемным. В каталоге стандартов при фабрике типа научно-утопической беллетристики уделено не так много места: стандарты не ограничены, но прекрасно зато разработаны, с максимальным учетом вкусов массового заказчика. Ученый — аморальное существо, «злодеяхист», и его открытие или изобретение гибельно для человечества; но ему на человечество, видите ли, наплевать, он в своей безумной горыне ставит себя выше человеческих законов, ну и в итоге—гибнет сам от собственного открытия, или от чего-либо другого: стандарт номер первый, высоко-драматический. Ученый, вообще говоря, чудак, и изобретение его чудовищное, но помимо него самого что-то хорошее из изобретения выходит и для него, и для близких родственников: стандарт номер второй, с уклоном в юмор. Ученый — бедняк и благодетель рода человеческого, но у него могучие враги, какой-нибудь злокозненный капиталист, но в дело вмешивается другой добродетельный капиталист и прочая лимы: стандарт номер третий. «социально-обличительный». Есть еще стандарты—откровенно-детективный, сентиментально-бытовой, высоко-патриотической, либерально-пацифистский, есть известные комбинации этих стандартов, и вариации этих комбинаций, есть во всех стандартах, комбинациях и вариациях очень много прекрасных девушек, есть все, что полагается во всех стандартах, чтоб они заняли видное место на рынке чтива, есть все, что полагается во всех стандартах, чтоб обеспечить прочную ненависть к ним каждого, кто уважает науку и любит литературу. Наряду с детективным романом «научно-утопический» роман — это предельная образец, вырожденная литературы эпохи заката капитализма.

В вопросе об этом литературном жанре не может быть, поэтому, никаких толков об «использовании наследства прошлого». Наряду с историческим романом, детективным романом, но в степени гораздо большей,—жанр «научно-утопического романа»—это отхожая яма литературы буржуазной эпохи, и эту яму нужно засыпать землею, выжечь дотла, место огородить и воду рузить плакат — не на фундаменте прошлого, а на основаны прогноза будущего, возникшего в результате анализа настоящего, победоносный класс воздвигает здесь здание научно-художественного романа.

*

Но откуда взялись в этом огороженном месте букашки? Крохотные, но симпатичные букашки янтарного цвета по имени «иртек»?

«Оставалось самое трудное — отыскать возбудителя жизни. Надо было найти ту каплю жизни, тот точек, который разбудил бы букашек, сообщил бы трупам движение, действенность. Пробудившийся инстинкт жизни сделал бы свое дело...»

Оставим в стороне вопрос о вульгарном витализме автора этих строк («возбудитель жизни»). Оставим без внимания и его могучий научно-художественный язык («капли жизни», «действенность»). Но не оставим без ответа этот мучительный вопрос—что же случилось с букашками «иртек»?

Ну, естественно, и соответственно всем классическим стандартам, раз «самое трудное», то на этой же странице, десятью строчками ниже—«самое трудное решено: «...и полетели». Это букашка «иртек» полетела. Это ее оживила на странице 108 романа—«научно-фантастического романа», * как любезно сказано на обложке «Погибшая страна», Берсенова,—советский ученый Ибрагимов, который тут же комментирует: «Да здравствует знание!».

Да что букашки! Букашки—тьфу! Стоило ли роман писать ради букашек! Оный Ибрагимов после букашек оживил новую красотку, которая тридцать тысяч лет покоилась в прямом саркофаге на дне океана в мумифицированном состоянии, оживил красотку Гонду из страны Гондваны, над которой—и красоткой и страной—сомкнулись бурные воды Индийского океана тридцать тысяч лет назад!

«Вдруг Гонда потянулась всем телом, что разминая отекшие члены! Выражение лица изменилось. Легкая улыбка заиграла на ее полненьких красных губах.—Она жива! жива! — в неописуемом восторге стонала Ибрагимова». Вот именно—неописуемом! Никак не опишешь! Лучше—отмрячить, как Ибрагимов.

А для чего оживил? Слушайте, слушайте!

«Ибрагимов на шаг не отходил от ложа больной (Гонды). Он принялся в минуту ускользнувшего бытия в ее грудь, таившей былую, а может быть и будущую жизнь. Вне времени, вне условностей жил Ибрагимов». «Жив, она жива, — обрадовался Ибрагимов». Если бы Ибрагимов мог рвы восстановления здоровья Гонды пожертвовать собственной жизнью, он ни одной минуты не колебался бы. Всю свою кровь отдал бы ей, вырывая ее из объятий смерти». «Жизнедеятельность гондвана происходила все, что встречалось когда-либо в жизни ученому». «Он увидал обнаженную девушку... Это было сверх сил Ибрагимова... С этой минуты Ибрагимов понял, что полюбил Гонду». «Когда порыв первой страсти прошел, Гонда пристально глядя в глаза мужа (Ибрагимова) сказала... Гонда с любовью прижала к его плечу. В ту ночь многое она рассказала ему».

Что именно рассказала — неизвестно, так как это последняя строчка романа. И нужно ведь автора понять и автору простить: трудно ведь живому автору угадать, что могла рассказать прекрасная Гонда, тридцать тысяч лет пребывавшая мертвой в пучинах Индийского океана!

Так вот, откуда все это взялось: это заимствованное похлопывание по плечу больших научных проблем, это идеально-пошлое сочетание «науки» и «романа»; эта жуткая бойкость в решении «загадок бытия»; этот тошнотворно-сладкий язык; эта маленькая и трусливая вторгка вперемежку с псевдо-научной болтовней? Все оттуда же, из выгребной ямы!

*

Нужно еще один раз, и еще сто раз повторить истину простую и тем не менее упорно забываемую: тематика эпохи — это в первую очередь — мировоззрение эпохи. С этой точки зрения до предела бессмысленны разговоры об объективной якобы закономерности отставания литературы от жизни: каковы бы ни были факты темы, не может быть отставания, если современно «содержание темы, т.-е. мировоззрение автора. Это относящееся и к приложению к научно-художественному роману (термины—«научно-утопический», «научно-фантастический» пора забыть из обращения). Его еще нет, этого жанра, на пустом месте, там, где должно быть возведено новое здание, бойко резвятся ведьмы «научные романисты» типа, образа и подобия Березенца, кока критики, сжимаем занятия собственными пустыми местами, величественно проходят мимо этого пустого места.

Конечно, не об этой жуткой пошлости—оживление красоток—идет речь. Не о том, чтоб прекратить глубокие философские изыскания советской науки и пресекающую обязательское любопытство сенсацию «научных чудес». Не о том, чтоб заниматься наукой, прекращая ее в материал для сюжетного трюкачества. Не о том, чтоб выливать психологической глазью на научного казнев. Но об «инкелуках», не о «лучах-смерти», не о «магнето-молнии», не о «разложении атома». Это все занесено к нам халтурным поветрием из выгребной ямы за рубежом.

Та точка опоры, какую искал Архимед для научного рычага, о которой говорил еще Маркс, она дана нам теперь: она в союзе труда и науки; союз этот не только перестраивает мир, больше: он создает мир новый, он завоевывает, завоюет солнце. Не может быть тот подлинным научным деятелем эпохи, кто этого не понял, не может работать в области научно-художественного жанра, кто этого не понял. Поняв не в порядке подписки на облигацию идейного займа,—произнес формулу—и остальное мерил в новое,—а всем мировоззрением и талантом своим.

*

Уничтожение пропасти между трудом физическим и умственным — это уже в потоке реальности. А уничтожение другой пропасти,—также специфичной для старого мира пропасти между мышлением в понятиях и мышлением в образах, между наукой и искусством? Это в потоке потенциальной реальности, прорезаемой уже теперь, это и есть идеология бесклассового общества, завоевывающего вселенную, это путь к сверхчеловеку. Музыка будущего, конечно, но теперь уже время готовить инструменты для этих мелодий. Научно-художественный жанр литературы — один из инструментов. Так не допустим же, чтоб в инструмент забрались букашки,—они хоть и крохотные, и безобидные, но, фиаско, нам нужны.

---

* «Погибшая страна»—научно-фантастический роман Г. Берсенова. Изд-во «Молодая гвардия». 1930 г.

казакстанской ассоциации нужна срочная помощь

До сих пор никакой серьезной воспитательной работы с молодняком в Казакстанской АПП не велось.

Группа литературно-комсомольцев — журналисты и учащиеся литфака Казакстанского педагогического института — тщетно пытается создать в ассоциации творческую атмосферу. Руководство КазАПП всячески саботирует эти попытки.

Большинство членов АПП совершенно **дезориентировано в вопросах литературной политики;** многие не знают, что такое «Лиффронт», не имеют точного представления о перестроечном. Низкий теоретический уровень также отражается, конечно, и на качестве продукции.

Орган КазАПП **«Жана Адибиет»** («Новая литература») не сумел мобилизовать внимание работников литературы на боевых проблемах марксистского искусствоведения.

Крупнейшим прорывом в работе ассоциации является **полное игнорирование призыва ударников в литературу.** Правленческое руководство отказывается допустить в состав правления ударников (Баратаева, Каунрад, Рифтер и мн. друг.) на напоминание парткомом руководству о необходимости этого мероприятия.

Беспризорны рабочие литкружки, лишенные единого плана и руководства, работающие в полном отрыве друг от друга без какого бы то ни было обмена опытом, к большинству влачат жалкое существование. В последнее время призыв ударников в литературу появился как-будто в планах Казкомпрофа, но дальше отпечатанных на машинке резолюций дело пока не двинуто.

Весь отклик на посевную кампанию выразился в показке нескольких человек в районы, причем таких, которые все равно поехали бы в порядке нагрузок и плановой работы.

Литература Казакстана почти неизвестна русскому читателю. Точно так же, при слабом знакомстве с русским языком, значительная часть казакской молодежи не в курсе русской, украинской, белорусской литературы. **Дело переводов до сих пор совершенно не налажено;** и орган КазАПП не смог проявить свою инициативу, лайтя и мобилизовать нужные силы. Это особенно сказалось во время сева.

Мы предлагаем послать от секретариата ГАПП в Алма-Ата специальную бригаду для оказания товарищеской помощи пролетарской литературе Казакстана в ее организационной и творческой перестройке.

А. НОЗОГРУДСКИЙ

надо упорно учиться военному делу

«Комсомольская правда» литературную страницу 2 июля посвятила дню пехотинца — Дню рифм, средних времен — на службе обороны СССР», посвятив ее главным Красной армии. Факт этот следует почему приветствовать. Но, к сожалению, приходится констатировать, что исполнение хорошего начинания во многом удовлетворительно.

Уланы стихи, «Дни рифм» оказались достаточно забавными. Но в тут мы должны указать т. Обеспеову, автору торжественной поэмы «Командиры запаса», что комендар

«...товарищ—уже поседелый,
уже изучивший
военное дело.
с БУДЕННЫМ
АТАКОВАВШИЙ ВАРШАВУ».

(подчеркнуто мною). — **С. Р.**), что этот комендар, по воле автора, выступает здесь в роли барона Мюнхгаузена. Буденный никогда не атаковал Варшавы и даже не подходил к ней.

Много хуже обстоит дело с «орудиями рифмы». Большая (по объему) часть помещенного в «странице» материала только подтверждает, что язык и сущность вооруженных сил СССР и молодыми писателями еще не освоены.

Не будем останавливаться на литературной оценке произведений, отметим только обилие грубо-политических неграмотностей. В номере даны подлинные произведения: очерк Леонида Рахманова—«Рядовая целина» и зарисовка Бежецкого «В лагерях».

В чем основная политическая ошибка «Дней рифмы»? В том, что из поля зрения автора совершенно выпал **командир.** А по воле своего поэта-автора комендар, подчиняясь ритму, в поэме—занимает километры. «Полки заняли места»—звучит так, как будто речь идет о... трамвае или театре. Вошел и занял место. Реяет ухо военное и такая фраза: «Дальше—красноармейцы.—Где дальше? А ближе кто? И где это «дальше» — сзади, справа? Или слева—то как же сам Шумилин на правом фланге? Получается нечто вроде разносторонней клеммы.

А вот, как описывается бой. На обороняющийся полк идут два в атаку танки. Кольцо? Конечно, «тяжелые и громадные», «чудовищные, недоброжелательные и страшные животные». Одним словом, танки, предназначенные для прорыва долговременных укреплений. «Танки медленно проползли. Их коленчатые отставания, стрелки перемалывались, лежали под брюхо. Грозные дула смотрели в бойцы». В бреве стрелялись солдаты... Бойцы, будто с трудом удерживаемыми на ему слов тяжелые посылы, показать не подготовленным слушателям нехоть врага». Когда читаешь об этих тяжелых танках, то создается впечатление, что опасность грозит обороняющимся. Шумилин, по-видимому, это не так. Автор подчеркивает, что опасность-то грозит нехоть врага. Почему? Сейчас узнаем. Перечисляется только к обороняющимся. Здесь, как в хорошем фильме.

«А в это время»—командир интересуется — «В штыки! Ура!» — Общее мнение «ура» подхватило командира и вскоре. Широкое облако пыли окутало бойцов. Гвардеец, наконец, прущий стремительно несла Шумилина на окопленного (ну, понятно) противника. Ура звуки и выстрелы разрывались с танками».

Тов. Бежецкий, благодарите судьбу, что вам не пришлось быть среди обороняющихся! Уверяю вас, что вы или были бы раздавлены танками, или же расстреляны в спину собственными пулеметами, стоявшими по прорывному, которого вы атаковали.

**

Общий вывод: надо упорно учиться военному делу.

С. РАБИНОВИЧ

что должен знать подписчик „литературной газеты"

1. Согласно постановлению СНК от 16 августа 1929 г. прием подписки и доставка всех периодических изданий осуществляется на почте.

2. Издательство и редакция газеты подписку не принимают, и посылать переводы и письма туда не следует. Случайно попадающие в издательство переводы пересылаются почте, что замедляет выполнение заказов.

3. Подписку следует сдавать исключительно на участную почту или письмоносцам не позже срока, установленного местной почтой. Подписка сданная позже, переносится на следующий месяц.

4. По всем вопросам, связанным с неполучением или несвоевременной доставкой газеты, следует обращаться только в то почтовое учреждение, которое доставляет издание. При переезде—в центральное бюро жалоб Разносиетьта (Москва, Мясницкая, 26).

5. Издательство никаких изданий не распространяет. Газетный почтамт в Москве получает издания непосредственно из типографии и рассылает в местные почтовые предприятия, которые производят доставку газетной подписчикам.

6. Ввиду многочисленных нарушений сроков выхода изданий, нетаковременных распоряжений ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ от 7 мая г. о установлении строгой ответственности лиц, нарушающих жизнедеятельность печати, за несвоевременную доставку изданий подписчикам.

7. Опасайтесь злостные почте в упорядочении доставки изданий: подписывайтесь заблаговременно и только на местной почте, своевременно заявляйте (почтовые) о неполученных изданиях; при злостных случаях обращайте в центральное бюро жалоб Разносиетьта в Москве.

реализуем заем „третьего, решающего" литературная москва дала 103.000

С 29 июня по 3 июля включительно местком писателей и Всероссиомдрам собрал по подписке на заем СВЕРХ ВЫПОЛНЕННОГО ВСТРЕЧНОГО ПЛАНА по займу, ВЫДВИНУТОГО ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ, около 3.000 РУБ. Всего на 3 июля подписались на заем «Третьего, решающего» 643 писателей на общую сумму в 103.000 РУБЛЕЙ.

писатели ленинграда продолжают отставать

Ленинград, 1. (Наш корр.). Подписка на заем «Третьего, решающего года» по комсоду ЛО ФОСП достигла **17.620** р. По отношению к контрольной цифре писательского комсода — **15.000** р. — задание как будто перевыполнено. На самом же деле **достигнутые результаты едва ли можно считать победой.** Всего по ЛО ФОСП охвачено подписной... **105** чел. Работники комсода мотивируют малочисленность подписавшихся тем, что многие писатели подписались в издательствах, по месту службы и т. д.

Комсоду приходится работать кустарно, почти без помощи литературной общественности. Например, ЛАПП, бросив лозунг — «не ниже месячного заработка писателя на заем», — никаких мер для учета хода подписки среди пролетписателей не принял; ЛО РОПКИ, обещавшее увеличить свою контрольную цифру с **25.000** р. до **50.000** р. довело подписку лишь до **трех с лишним тысяч.**

оздоровить работу литфонда

Секретариат ФОСП заслушал выводы комиссии ФОСП, обследовавшей финансовую деятельность Литфонда РСФСР. Выводы комиссии ФОСП сходятся с фактами, положенными в статье о Литфонде, напечатанными в последнем номере «Литгазеты».

Председатель правления Литфонда **Мих. Алексеев** пытался опровергнуть все «домышления» комиссии ФОСП, обследовавшей работу Литфонда, квалифицируя выводы комиссии, как клеветнические. Вместо того чтобы стать на путь действительной самокритики и анализа допущенных ошибок в работе Литфонда, Мих. Алексеев безуспешно пытался свести все дело к сторонкам «безупречных работников Литфонда «Литгазеты» и комиссии ФОСП... из зрительных соображений. Зам. председателя правления Литфонда **А. Богданов** признал, что в аппарате